

НОВЫЙ СБОРНИКЪ ЛИЦЕЙСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Старая тетрадь, заключающая «Собраніе Лицейскихъ стихотвореній», получена въ даръ Пушкинскимъ Домомъ въ 1918 году отъ студента Петроградскаго Университета Гингера. Послѣдній приобрѣлъ ее случайно у швейцара одного дома; о происхожденіи ея онъ тогда не спросилъ, позднѣе швейцаръ уѣхалъ изъ Петрограда, и такимъ образомъ прошлая исторія сборника остается намъ совершенно неизвѣстной. Мы можемъ о ней только гадать; сама тетрадь не даетъ никакихъ указаній ни о своихъ составителяхъ, ни о владѣльцахъ, въ чьихъ рукахъ она пребывала за цѣлое столѣтіе. Имена позднѣйшихъ владѣльцевъ, конечно, не имѣютъ существеннаго значенія. Но имя перваго, кто ею владѣлъ и кто составилъ Собраніе, раскрыло бы намъ многое.

Внѣшній видъ сборника таковъ. Прекрасно сохранившаяся тетрадь форматомъ въ малую восьмушку покрыта зеленымъ картоннымъ переплетомъ, имитирующимъ сафьянъ и украшеннымъ по краямъ золотымъ орнаментомъ. Такимъ же золотымъ тисненіемъ покрытъ кожаный корешокъ, на которомъ можно прочесть заглавіе: «Собраніе Лицейскихъ стихотвореній. 3». Въ тетради 78 листовъ плотной бѣлой александрійской бумаги. Писанные листы (и нѣкоторые изъ пустыхъ) перенумерованы по страницамъ; всего нумерованныхъ 136 страницъ. На первомъ листѣ читается заглавіе, выписанное крупнымъ шрифтомъ и украшенное разводами въ стилѣ канцелярскаго письма первой трети прошлаго вѣка: «Собраніе Лицейскихъ стихотвореній. Часть III. Національныя піэсы». Подъ текстомъ заглавія помѣта карандашомъ, вѣроятно, позднѣйшая — «1811 — 1817», которая, такимъ образомъ, опредѣляетъ всѣ стихотворенія, какъ принадлежащія I-му курсу Лицея.

Листы 3—6 содержат оглавление. Въ нёмъ поименовано 167 стихотвореній ¹⁾, раздѣленныхъ на пять отдѣловъ, именно:

- I. Национальныя пѣсни.
- II. Лицейскій Мудрецъ.
- III. Стихотвореніе К. и пародія Д.
- IV. Жертва Мому или Лицейская Антологія.
- V. Лицейская Антологія, собранная і ѵ ш і ѵ.

Оглавленіе и весь текстъ стихотвореній написаны сплошь одною рукою, очень тщательнымъ «писарскимъ» почеркомъ, не похожимъ на индивидуальныя почерки товарищей Пушкина, встрѣчающіеся въ другихъ сборникахъ. Можно предположить, что тетрадь переписана писаремъ по заказу, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя ошибки и описки, исправленныя кое-гдѣ карандашомъ, другою рукою, показываютъ, что писавшій иногда плохо разбиралъ оригиналъ, съ котораго списывалъ, а иногда — не понималъ самаго разбѣра стиха и искажалъ его ²⁾.

Ни одно изъ стихотвореній нашего сборника не имѣетъ подписи — ни имени автора, ни инициаловъ, ни псевдонимовъ: всѣ они анонимы ³⁾.

¹⁾ На самомъ дѣлѣ ихъ въ сборникѣ 197, т. к. «Эпиграммы», внесенныя въ оглавленіе подъ однимъ №, содержатъ 28 отдѣльныхъ пьесъ, а три эпиграммы не имѣютъ самостоятельныхъ номеровъ.

²⁾ Такъ, напр., невѣрно переданъ «Разбѣръ Фосса», помѣщенный передъ стихотвореніемъ «Протекторы и Мудрецъ»:

```

) ) — ) ) —
) ) — ) ) —
) ) — ) ) — | bis
— ) ) — ) ) — )
— ) ) — ) ) — | bis

```

Ср. у К. Грота «Пушкинскій Лицей», С.-Пб. 1911, стр. 283. Или описка въ стих. «Элегія на смерть друга», гдѣ первый стихъ: «Тошнѣй идилли — холодны чѣмъ ода» конечно, вмѣсто «холоднѣе»; опискою искаженъ самый стихъ.

³⁾ За исключеніемъ «Стихотворенія К. и Пародія Д.» — вещей слишкомъ извѣстныхъ, изъ которыхъ первая, притомъ, не принадлежитъ къ лицейской поэзіи, т. к. авторомъ ея былъ профессоръ Кочанскій, да указанія на псевдонимъ Иличевскаго «іѵшій» въ заглавіи V-го отдѣла — заглавіи традиціонномъ и повторяемомъ другими сборниками.

Точная датировка тетради, заключающей наше «Собрание», не представляется возможной. Вышность ея — переплетъ съ его орнаментовкой, заглавный листъ, бумага, почеркъ, — заставляютъ отнести «Собрание» къ довольно позднему времени — къ концу 1820-хъ, даже къ началу 1830-хъ годовъ. Но, не говоря о шаткости такихъ палеографическихъ основаній, всегда нѣсколько гадательныхъ, дата ея написанія еще не характеризуетъ самого собранія. Въдъ наша тетрадь — копія, а копія могла быть сдѣлана и въ позднее время съ очень раннихъ оригиналовъ. Такъ оно, вѣроятно, и было. Съ выходомъ изъ Лицея воспитанниковъ I-го курса прервалась живая литературная традиція; слѣдующіе курсы, по свидѣтельству К. Я. Грота ¹⁾, не знали даже о существованіи лицейской поэзіи; сами авторы ея (напр. Илличевскій) мало цѣнили свои «антологическія» юношескія стихотворенія и не сохраняли и не печатали ихъ; подобныя вещи Пушкина сохранились частью въ тетрадяхъ Румянцовскаго Музея, относящихся къ послѣднимъ годамъ пребыванія въ Лицеѣ, но не включались имъ въ собранія своихъ стихотвореній; номера журнала «Лицейскій Мудрецъ», стихотворная часть котораго вошла цѣликомъ въ наше собраніе, были увезены лицейстомъ Н. А. Корсаковымъ за границу и надолго исчезли послѣ его смерти въ Италиі въ 1820 году; слѣдовательно, всѣ эти стихотворенія могли попасть въ нашъ сборникъ лишь съ оригиналовъ Лицейскаго времени или съ копій, опять-таки современныхъ I-му курсу. Текстъ нѣкоторыхъ стихотвореній нашего сборника, извѣстныхъ изъ другихъ рукописей и поддающихся свѣрѣвѣ (а къ нимъ принадлежатъ почти исключительно стихотворенія Пушкина), совпадаетъ въ большинствѣ случаевъ съ ранними редакціями (тетрадами 2364-й и 2395-й Румянцовскаго Музея, Матюшкинской тетрадью), и разночтенія нужно объяснять, лишь какъ ошибки переписчика. Нѣкоторыя особенности характерны: такъ первый стихъ пѣсни Илличевскаго, открывающей сборникъ, написанъ въ первоначальной редакціи: «Лѣто знойно, дщерь природы»...», въ 1828 году замѣненной, по предложенію Пушкина, новой: «Лѣто, знойна дщерь природы»... Слѣдовательно, составитель сборника пользовался ранней редакціей, чего бы не было, если бы онъ бралъ тексты 1830-хъ

¹⁾ К. Я. Гротъ Пушкинскій Лицей, С.-Пб. 1911, стр. XVII и сл.

годовъ, когда, какъ было сказано, сборникъ могъ быть переписанъ ¹⁾. Далѣе, «Мадригалъ» Дельвига написанъ также въ ранней редакціи, передѣланной авторомъ уже въ рукописи 1819 года, въ тетради, приготовленной для печати ²⁾. Наконецъ, въ «Надписи въ бесѣдкѣ» Пушкина 5-й стихъ въ нашемъ Собраніи читается: «Въ восторгѣ пламенномъ погасъ», т. е. такъ, какъ, въ 1817 году, онъ былъ записанъ въ 2364-й тетради Рум. Музея; теперь онъ печатается въ исправленномъ видѣ: «Въ восторгѣ сладостномъ...»; исправленіе же это внесено, вѣроятно, не позднѣе 1820 года, когда Пушкинъ проигралъ въ карты свою рукопись, готовую къ печати, Никитѣ Всеволожскому ³⁾.

Еще одно соображеніе указываетъ на дѣйствительно лицейское происхожденіе сборника. Всѣ извѣстныя намъ стихотворенія Пушкина и другихъ, помѣщенные въ немъ и поддающіяся болѣе или менѣе точной датировкѣ, относятся къ 1813—1817 годамъ ⁴⁾. Нѣтъ

¹⁾ К. Я. Гротъ, назв. соч., стр. 192.

²⁾ Въ переплетенной тетради изъ собранія Гаевского (въ Пушкинскомъ Домѣ) подъ заглавіемъ «Стихотворенія бар. А. А. Дельвига....: т. I, С.-Пб. 1819» это стихотвореніе (№ 29 на стр. 36) носитъ названіе «Къ А. М. Т.....и», и послѣдніе 4 стиха читаются такъ:

Я умоляю: постой, веселое мгновенье,
 [Вели, чтобъ быстрый вальсъ вертѣлся не вертѣсь]
 Пускай шу
 [(Чтобъ я) не опу (скалъ) съ прекрасной вѣчно глазъ]
 [И чтобъ забвеніе крыломъ покрыло насъ]
 Пускай не опущу съ прекрасной вѣчно глазъ.
 Пусть такъ забвеніе крыломъ покроетъ насъ.

Именно перечеркнутый, ранній текстъ (поставленный въ прямые скобки) внесенъ въ наше Собраніе.

³⁾ Предположеніе о томъ, что исправленія въ 2364 тетради Румянц. Музея принадлежатъ 1820 году и совпадаютъ съ текстомъ тетради, проигранной Всеволожскому, очень убѣдительно высказано М. Л. Гофманомъ. Къ этому можно еще добавить, что и нѣкоторыя стихотворенія Илличевского, напечатанныя имъ въ 1827 году въ «Опытахъ въ антологическомъ родѣ» въ совершенно переработанномъ видѣ, въ нашемъ «Собраніи» помѣщены въ раннихъ редакціяхъ.

⁴⁾ Самое раннее, кажется, «Вакхъ» Дельвига, помѣщенный также въ «Юныхъ Пловцахъ», Лицейскомъ журналѣ 1813 года; самыя позднія—Пушкина «Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ» и «Сновидѣніе»—оба 1817 года, первое—изъ письма къ В. Л. Пушкину, писанному въ январѣ 1817 г.

ни одного, которое датировалось бы болѣе позднимъ временемъ. И по содержанію всѣ они касаются либо отдѣльныхъ лицъ и событій Лицейской жизни, либо событій изъ міра литературнаго тѣхъ же лѣтъ, 1814—1816 преимущественно.

Итакъ тетрадь наша — копія, быть можетъ и поздняя, съ оригиналовъ, передающихъ стихотворенія исключительно лицейской поры, притомъ въ ихъ раннихъ, точнѣе — первоначальныхъ редакціяхъ, не позднѣе 1817-го года, и не подвергнутыхъ переработкамъ послѣ-лицейскаго времени. Въ этомъ существенное значеніе «Собранія».

Можно не придавать очень большой художественной цѣнности шуточнымъ и сатирическимъ стихотвореніямъ лицейской поры творчества Пушкина; можно — и съ нѣкоторымъ основаніемъ — отрицать поэтическія достоинства юмористическихъ произведеній его товарищей — главнымъ образомъ Илличевского, особенно подвизавшагося въ области легкой сатиры; но нельзя ихъ не изучать, нельзя ихъ отбрасывать, какъ это дѣлали иные изслѣдователи, напримѣръ, В. П. Гаевскій, оставившій безъ рассмотрѣнія въ своихъ статьяхъ о Лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина цѣлый сборничекъ его эпиграммъ — «Жертва Мому» — какъ «не имѣющихъ никакого достоинства». И не только каждая строчка Пушкина имѣетъ для насъ цѣнность и значеніе при изученіи исторіи его творчества, но величайшій интересъ представляютъ и произведенія его сверстниковъ, товарищей по Лицею, сверстниковъ на поэтическомъ поприщѣ въ первые годы пребыванія въ немъ. Они служатъ тѣмъ фономъ, на которомъ развѣтывалось его дарованіе, служатъ яркой характеристикой той среды и атмосферы, въ которой онъ росъ. Притомъ, среди всей довольно значительной массы сборниковъ и отдѣльныхъ рукописей, дошедшихъ до насъ отъ лицейской эпохи, наше собраніе отличается тѣмъ, что въ немъ цѣльно и законченно представлены какъ разъ тѣ отдѣлы, которые, изъ другихъ источниковъ, мы знаемъ лишь въ отрывкахъ. Поэтому оно представляетъ несомнѣнный интересъ для каждаго, кто занимается изслѣдованіемъ Лицейской поэзіи Пушкина, да и для всѣхъ, кто обращается къ этой единственной въ своемъ родѣ эпохѣ — единственной по силѣ и напряженности литературныхъ интересовъ собравшихся въ Лицеѣ юношей, по обширности и глубинѣ ихъ историко-литературныхъ познаній, по изобилію и большимъ достоинствамъ ихъ поэтическихъ твореній.

Перечислимъ, прежде всего, извѣстные намъ источники Лицейской поэзіи и сравнимъ ихъ составъ съ составомъ нашего «Собранія» ¹⁾. Тогда опредѣлится и его мѣсто въ ряду другихъ подобныхъ ему сборниковъ.

Лицейскія стихотворенія Пушкина и его сверстниковъ дошли до насъ въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сборникахъ, частью разрозненныхъ и испорченныхъ, въ сохранившихся нумерахъ Лицейскихъ журналовъ, многіе изъ которыхъ пропали, въ отдѣльныхъ рукописяхъ и отрывкахъ, наконецъ, — въ воспоминаніяхъ современниковъ; нѣкоторые изъ нихъ мы знаемъ не въ рукописи, а только въ томъ видѣ, какъ они были напечатаны въ журналахъ и альманахахъ того времени, а также въ позднѣйшихъ изданіяхъ. Наиболѣе полная сводка всего этого матеріала дана К. Я. Гротомъ въ его трудѣ «Пушкинскій Лицей» ²⁾.

Лучшимъ по сохранности и полнѣйшимъ по содержанію сборникомъ является переплетенная тетрадь, озаглавленная «Духъ лицейскихъ трубадуровъ». Она была описана Л. Н. Майковымъ ³⁾ и использована — далеко не исчерпывающимъ образомъ — для I-го тома Академическаго изданія сочиненій Пушкина, потомъ считалась утраченной, а нынѣ находится въ Пушкинскомъ Домѣ. Въ этой тетради помѣщены лицейскія стихотворенія Пушкина, Дельвига, Илличевского, Кюхельбекера и Корсакова, а въ особомъ отдѣлѣ — анонимныя «Національныя пѣсни». Весь текстъ переписанъ тщательно, такъ же, какъ въ нашемъ «Собраніи», а на послѣднемъ листѣ находится собственноручно записанное Пушкинымъ въ позднѣйшіе годы стихотвореніе «Гауэнцильдъ и Эбергардъ» ⁴⁾. (Всѣ стихотворенія, вошедшія въ сборникъ, были въ свое время напечатаны; сличеніе ихъ текста съ другими рукописями показываетъ, что здѣсь мы имѣемъ

¹⁾ Этимъ словомъ мы будемъ вездѣ обозначать нашу тетрадь — «Собраніе Лицейскихъ стихотвореній» — въ отличіе отъ другихъ такихъ же сборниковъ.

²⁾ К. Я. Гротъ. Пушкинскій Лицей (1811—1817). Бумаги I-го курса, собранныя академикомъ Я. К. Гротомъ, С.-Пб. 1911.

³⁾ Полное собраніе сочиненій Пушкина, изд. Имп. Академіи Наукъ, т. I; Примѣчанія, стр. 10 — 11.

⁴⁾ Автографъ, не отмѣченный Л. Н. Майковымъ. См. о немъ у Гаевского «Современникъ» 1863 г., т. ХСVII, стр. 397 и въ изданіи соч. Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 434.

очень хорошую, точную запись, въ самой послѣдней, окончательной лицейской редакціи ¹⁾. Въ наше «Собраніе» не вошло ни одно изъ стихотвореній его первой части — изъ лирическихъ пьесъ, подписанныхъ именами авторовъ. Вторая же часть — Національныя пѣсни — вошла цѣликомъ и въ томъ же порядкѣ пѣсенъ, что показываетъ общность источника обоихъ собраний и извѣстную традиціонность расположенія пѣсенъ. Содержаніе 1-й части и внѣшній видъ сборника могутъ навести на мысль, что это — именно 1-ая или 2-ая часть обширнаго цикла, котораго наше Собраніе представляетъ «часть 3-ю». Однако идентичность отдѣла «Національныхъ пѣсенъ» въ обоихъ сборникахъ заставляетъ отвергнуть это предположеніе.

Другимъ важнымъ источникомъ нужно считать «Матюшкинскую» или «Полѣновскую» (по имени владѣльца) тетрадь, въ числѣ бумагъ Грота также поступившую въ Пушкинскій Домъ. Она носитъ заглавіе «Стихотворенія воспитанниковъ Императорскаго Лицея. Часть II» и представляетъ отрывокъ обширнаго собранія, не дошедшаго до насъ цѣликомъ. Описание ея дано К. Я. Гротомъ ²⁾. Девять стихотвореній изъ этой тетради вошли и въ наше «Собраніе» ³⁾,

¹⁾ Стихотворенія Пушкина использованы Л. Н. Майковымъ для Академическаго изданія. Стихотворенія Дельвига, не вошедшія въ собраніе его сочиненій, напечатаны у Гастфрейнда: «Товарищи Пушкина по Имп. Царск. Лицею» т. II, стр. 205, 297, 298; Корсакова — тамъ же, т. I, 420 — 426; Илличевскаго — тамъ же и отд. «А. Д. Илличевскій», С.-Пб. 1912, стр. 42 — 52. Нигдѣ не напечатана строфа изъ національной пѣсни «Мы нули», внесенная въ текстъ неизвѣстной позднѣйшей рукой такъ же, какъ еще одна строфа, внесенная въ середину текста и чуждая въ печати):

Запиши Директоръ въ святцы,
 Что въ Лицеѣ ското-братцы
 Всѣ нули, всѣ нули,
 Ай люли, люли, люли.

Названіе «скотобратцы», какъ извѣстно, употреблено Пушкинымъ въ протоколѣ Лицейской годовщины 19 октября 1828 года.

²⁾ Пушкинскій Лицей, стр. 115 — 116, 140 — 141, 144 — 154; см. также Я. К. Грота «Пушкиныя, его лицейскіе товарищи и наставники», изд. 2-е, С.-Пб. 1899, стр. 159, и К. Я. Гротъ. Къ Лицейскимъ стихотвореніямъ Пушкина. — «Ж. М. Нар. Пр.» 1905 г., № 10 (октябрь).

³⁾ СXXXI. Сновидѣніе (Пушкинъ) Собраніе, отд. Антологія, № 108; СXXXIII. Къ переводчику Діона (Дельвигъ) Собр. № 56; СXXXVI. На музыканта (Илличевскій), Собр. № 71; СXXXVII. Надпись въ бесѣдѣ (Пушк.) Собр. № 110;

при чемъ порядка и соотвѣтствія въ расположеніи ихъ между той и другимъ установить нельзя; за то въ выборѣ пьесъ замѣтна опредѣленная задача: въ наше «Собраніе» вошли изъ Матюшкинской тетради лишь эпиграммы, мадригалы и надписи, т. е. коротенькія «антологическія» пьески, и отброшены всѣ болѣе серьезныя лирическія стихотворенія.

Въ самое послѣднее время М. О. Гершензонъ опубликовалъ въ «Русскихъ Пропилеяхъ» ¹⁾ Лицейскую тетрадь, принадлежавшую А. В. Никитенку. Содержаніе ея сходно съ «Духомъ Лицейскихъ трубадуровъ», Матюшкинской тетрадю и другими, заключая всѣ важнѣйшія стихотворенія Пушкина той эпохи, а также произведенія Дельвига, Илличевского, Кюхельбекера и Корсакова. Но съ нашимъ «Собраніемъ» эта тетрадь не сходна: эпиграммы, мадригалы, надписи и т. п. «антологическія» пьески, наполняющія его, здѣсь почти отсутствуютъ; тѣ же, какія есть, всѣ включены и въ наше «Собраніе» ²⁾; нужно замѣтить, что это — лучшія изъ пьесъ такого рода и выбраны онѣ умѣлою рукою. Большое значеніе текста тетради, по его полнотѣ и большому числу новыхъ вариантовъ, справедливо отмѣчено М. Гершензономъ въ предисловіи. Но составъ ея и общій характеръ совершенно иные, чѣмъ у нашего «Собранія», и какъ на общее между ними надо указать лишь на одинаковый порядокъ тѣхъ немногихъ пьесъ, которыя включены въ ту и въ другое, что указываетъ на ихъ общій первоначальный источникъ — сборникъ «Лицейской Антологіи», изъ котораго тетрадь М. Гершензона выбрала лишь нѣсколько пьесъ ³⁾.

СХХХVIII. На Пучкову (Илл.) Собр. № 80; СХХХIX. Надпись на мой портретъ (Д.) Собр. № 81; СXL. Экспромтъ на Агареву (Пушк.) Собр. № 79; СXLI. Тріолеть К. Горчакову (Д.) Собр. № 108. «Матюшкинская тетрадь» заключаетъ всего 34 пьесы, перенумерованныя отъ СХVII до СI включительно.

¹⁾ «Русскіе Пропилеи» томъ 6-й, М. 1919, стр. 1—95.

²⁾ Пушкина — «Къ Баболовскому дворцу», «Собраніе, Антологія, № 28; «Эпитафія» (Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ....) № 35; Дельвига — «Въ альбомъ княгини Волконской» № 58; Пушкина — «Эпиграмма» (Скажи, что новаго...) № 69; «Твой и Мой» № 78; «Экспромтъ на Агареву» № 79; «Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ» № 103; «Къ портрету Каверина» № 104; «Къ письму» № 105; Дельвига — «Тріолеть кн. Горчакову» № 107; Пушкина — «Сновидѣніе» № 108; «Она» № 109.

³⁾ См. подробную рецензію М. І. Гофмана на тетрадь, напечатанную М. Гершензономъ, въ журналѣ „Дѣла и Дни“, книга III-я.

Этот первоначальный сборник носить заглавіе «Лицейская Антологія, собранная трудами пресловутаго «ійшія», т. е. Илличевского, и сохранился въ бумагахъ Грота, который и описалъ его ¹⁾ въ видѣ «четырехъ маленькихъ листковъ синей, сильно выцвѣтшей бумаги». На нихъ мы имѣемъ 15 стихотвореній, преимущественно эпиграммъ, перенумерованныхъ (съ пропусками) отъ 75 до 111. Всѣ пьесы, за исключеніемъ трехъ ²⁾, вошли и въ наше «Собраніе», въ V-й отдѣлъ его, носящій то же заглавіе — «Лицейская Антологія, собранная ійшія». Порядокъ пьесъ здѣсь тотъ же, что и въ листкахъ, но нумерація другая (между №№ 67 и 112). Такой одинаковый порядокъ показываетъ, что Лицейская Антологія къ моменту ее составленія отлилась въ опредѣленные формы, въ традиціонный циклъ, съ котораго копировались другіе сборники, разнясь лишь въ частности, въ зависимости, быть можетъ, отъ вкуса составителей.

Мы знаемъ, далѣе, по описанію Я. К. Грота и другихъ ³⁾, двѣ тетради, «переплетенныя въ зеленый сафьянъ» и принадлежавшія М. Л. Яковлеву, которыя бар. М. А. Корфъ въ 1833 году давалъ на прочтеніе (К. Я.) Гроту. Послѣдній сдѣлалъ изъ нихъ извлеченія, «не пропустивъ ни одной изъ пьесъ Пушкина», и раздѣливъ ихъ такъ какъ въ самихъ тетрадяхъ, на два отдѣла: «напечатанныхъ» и «ненапечатанныхъ стихотвореній 1-го курса». Самыя тетради считаются исчезнувшими, но изъ разсмотрѣнія состава и порядка извлеченій, сдѣланныхъ Я. К. Гротомъ, можно заключить, что едва ли тетрадь, опубликованная М. Гершензономъ въ «Русскихъ Пропілеяхъ», не является именно первой изъ тетрадей Корфа-Яковлева — съ «ненапечатанными стихотвореніями» ⁴⁾. Поэтому съ нашимъ Собраніемъ

¹⁾ К. Я. Гротъ. Пушкинскій Лицей, стр. 141 — 144. См. также Гаевского — «Пушкинъ въ Лицеѣ и его Лицейскія стихотворенія» — «Современникъ» 1863 г., т. ХСVII, стр. 142 — 144.

²⁾ № 78. «Больны, вы, дядюшка? Нѣтъ мочи....» Пушкина; № 108 «Вотъ Виля — онъ любовью дышитъ».... его же; № 111 — «Другое завѣщаніе» Илличевского.

³⁾ Я. К. Гротъ. Пушкинъ.... изд. 2-ое, стр. 4 и 282; В. П. Гаевскій: А. А. Дельвигъ. — «Современникъ», 1853, т. XXXVII стр. 76; К. Я. Гротъ. Пушкинскій Лицей, стр. 140, 155 — 177.

⁴⁾ Предположеніе это высказано М. Л. Гофманомъ.

тетрадь Корфа имѣеть мало общаго: изъ 43 пьесъ, выписанныхъ Гротомъ, вошли въ него всего двѣ ¹⁾.

О другой тетради, принадлежавшей М. А. Корфу, упоминають Гаевскій и Анненковъ ²⁾. Первый замѣчаетъ, что въ ней собраны напечатанныя (въ современныхъ журналахъ и альманахахъ) стихотворенія Дельвига, Пушкина, Илличевскаго и Яковлева. Анненковъ пользовался ею для установленія редакцій нѣкоторыхъ стихотвореній Пушкина, напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» и «Россійскомъ Музеумѣ» 1814—1815 годовъ. Изъ послѣднихъ въ наше Собраніе вошли двѣ эпиграммы Пушкина, помѣщенные въ «Россійскомъ Музеумѣ» 1815 года ³⁾. Быть можетъ, это какъ разъ вторая изъ тетрадей Корфа-Яковлева съ «напечатанными стихотвореніями I курса», но трудно утверждать это опредѣленно по скудости данныхъ.

Наконецъ, еще одинъ сборникъ былъ въ рукахъ у Гаевского и описанъ имъ въ такихъ выраженіяхъ: «Передъ нами, говоритъ онъ, цѣлая тетрадь стихотвореній, написанныхъ преимущественно на Кюхельбекера. Сборникъ этотъ: Жертва Мому или Лицейская Антологія переписанъ въ 1814 году Пушинымъ. Большая часть этихъ стихотвореній принадлежитъ Пушкиву, но они не имѣють никакого достоинства и потому не приводимъ ихъ» ⁴⁾. Вынеся такой суровый приговоръ, нѣсколько странный въ устахъ точнаго изслѣдователя-библіографа, Гаевскій не даетъ болѣе подробнаго описанія сборника, но лишь приводитъ изъ него, какъ примѣръ, эпиграммы Илличевскаго «Опроверженіе» (Нѣтъ, полно, мудрецы, обманывать вамъ свѣтъ) и Пушкина, которую, онъ считаетъ «относительно лучшей» — «Несчастіе Клита» (Внукъ Тредьяковскаго Клитъ гекзаметромъ пѣсенки пишетъ). Приводятся имъ также заглавія (безъ текстовъ) нѣкоторыхъ

¹⁾ «Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ» Пушкина (№ 103 нашего Собранія) и «Сновидніе» его же (№ 108).

²⁾ В. П. Гаевскій, А. А. Дельвигъ—«Современникъ» 1853 г., т. XXXVII, стр. 76; Сочиненія Пушкина, изд. П. В. Анненкова, С.-Пб. 1855, т. II, стр. 28—29, 91—92, 150.

³⁾ «Аристъ намъ обѣщаль трагедію такую»... и «Бывало прежнихъ лѣтъ герой», въ нашемъ Собраніи носящая заглавіе «На Рыбушкина».

⁴⁾ «Пушкинъ въ Лицѣвъ»... и т. д.—«Современникъ» 1863 г., т. ХСVII, стр. 147.

эпиграммъ, направленныхъ на Кюхельбекера ¹⁾. Сборникъ, бывший въ рукахъ Гаевского, теперь, повидимому, исчезъ. Но въ нашемъ Собраніи мы находимъ цѣлый отдѣлъ, носящій то же заглавіе: «Жертва Мому или Лицейская Антологія»; въ немъ содержатся всѣ пьесы, поименованныя Гаевскимъ, и въ томъ же порядкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что это тотъ же сборникъ, который Гаевскій видѣлъ переписаннымъ рукою Пущина, внесенный полностью въ нашу тетрадь неизвѣстнымъ составителемъ «Собранія». Такимъ образомъ восполняется значительный пробѣлъ ²⁾ въ антологической Лицейской поэзіи ранняго періода (если принять утверженіе Гаевского, что сборникъ переписанъ въ 1814 году). Къ сожалѣнію, туманное указаніе Гаевского, что «большая часть этихъ стихотвореній принадлежитъ Пушкину», не позволяетъ дѣлать никакихъ опредѣленныхъ выводовъ объ авторахъ эпиграммъ.

Особнякомъ въ Лицейской поэзіи стоятъ такъ называемыя «Національныя пѣсни» — характернѣйшій памятникъ быта, нравовъ и людей Лицея первыхъ лѣтъ, созданный совокупными усиліями поэтовъ и не-поэтовъ I-го курса. Національныя пѣсни описаны и полностью напечатаны К. Я. Гротомъ ³⁾. Наше Собраніе содержитъ ихъ всѣ за исключеніемъ двухъ (менѣе характерныхъ и носящихъ печать большей индивидуальности) ⁴⁾. Текстъ пѣсенъ тамъ и здѣсь почти одинаковъ — измѣненъ лишь кое-гдѣ порядокъ строфъ, да есть разночтенія въ отдѣльныхъ словахъ, не влияющія на смыслъ и на форму стиха.

Источникомъ для Грота явились съ одной стороны журналы «Лицейскій Мудрецъ» и «Мудрецъ-Поэтъ», съ другой — «особая

¹⁾ «Надпись на конную статую пушкаря Б. фонъ-Рехеблихера» (нашего Собранія № 38); «Пѣвецъ» (Собр. № 41); «Жалкій человекъ» (Собр. № 43); «Вопросъ» (Собр. № 44); «О Донъ-Кихотѣ» (Собр. № 45); «На случай, когда Виля на багѣ растерялъ свои башмаки» (Собр. № 48); «Виля Геркулесу» (№ 51). «Хата поэта» (№ 55) «и нѣкоторыя другія», добавляетъ Гаевскій, «съ намеками не вполне понятными» (тамъ же стр. 147 — 148).

²⁾ Въ нашемъ Собраніи отдѣлъ «Жертва Мому» содержитъ 21 стихотвореніе.

³⁾ Пушкинскій Лицей, стр. 215 — 239.

⁴⁾ «Полно, Дельвигъ, не мори!».... (№ 7 у Грота) и «Пусть несчастный человекъ».... (№ 9); кромѣ того № 2 (Аполлонъ, напившись пьянъ) въ нашемъ Собраніи перенесена изъ отдѣла Національныхъ пѣсенъ въ отдѣлъ «Жертва Мому».

тетрадка... съ заглавіемъ «Національныя пѣсни»... Большая часть этихъ пѣсенъ записаны въ отдѣльной рукописи». То и другое сохранилось въ бумагахъ Грота, въ Пушкинскомъ Домѣ. Особенное значеніе имѣеть тетрадка, — представляющая, повидимому, самую первую запись «Національныхъ пѣсенъ». Текстъ ея написанъ разными почерками: Комовскаго (большинство, начиная съ первыхъ), Кюхельбекера, Дельвига (а не Илличевскаго, какъ полагаетъ, повидимому, объ этомъ почеркѣ К. Я. Гротъ) и еще одною неизвѣстною рукою — конечно также лицеиста. Одна изъ пѣсенъ — и притомъ едва ли не самая извѣстная — «Нули» (Что за странная тревога) — написана тремя почерками: первыя строфы — Комовскимъ, середина — Кюхельбекеромъ, остальныя до конца — Дельвигомъ. Послѣднимъ вписана одна лишняя строфа въ запись Кюхельбекера и внесены значительныя поправки почти во всѣ строфы. Эти поправки очень похожи на авторскія и можно было бы думать, что Дельвигъ былъ не просто записывателемъ, но авторомъ этой пѣсни. Однако, гораздо вѣроятнѣе, что онъ вмѣстѣ съ двумя товарищами лишь записалъ пѣсню и записалъ при томъ на память; кое-что было пропущено, кое-что запомнилось и записалось невѣрно, и Дельвигъ внесъ впоследствии поправки; кое-что, быть можетъ, исправлено имъ, какъ строгимъ и требовательнымъ поэтомъ, недовольнымъ творчествомъ товарищей. Такого же рода поправки внесъ Комовскій въ записанный имъ текстъ пѣсни «Вотъ Ебергардъ — смотрите, господа». Все это подтверждаетъ безличность, коллективность «національнаго» лицейскаго творчества¹⁾; рукопись Гротовскаго собранія — лишь первая запись послѣ живого изустнаго выполненія²⁾; недаромъ она имѣеть видъ черноваго наброска. Впоследствии пѣсни переписывались много разъ, выработываясь постепенно ихъ «каноническій» текстъ, который однако не

1) Вспомнимъ свидѣтельство О. О. Матюшкина въ письмѣ къ Энгельгардту, гдѣ онъ говоритъ, что одинъ стихъ въ одной изъ національныхъ пѣсенъ принадлежитъ и ему — никогда вообще не писавшему стиховъ

2) Такую же запись даетъ и самъ Пушкинъ въ наброскахъ своихъ Лицейскихъ записокъ за 1816 годъ, причемъ онъ сопровождаетъ ихъ замѣчаніемъ: «Вчера не тушили свѣчекъ; за то пѣли куплеты на голосъ: «бери себѣ повѣсу». Запишу, сколько могу упомнить».... См. Д. Сапожниковъ: «Цѣнная находка. Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина», С.-Пб. 1899; Сочиненія Пушкина подъ ред. П. А. Ефремова, С.-Пб. 1903, томъ V, стр. 333 и томъ VIII, С.-Пб. 1905, стр. 561.

мѣшалъ измѣненію порядка строфъ и допускалъ незначительные варианты. Традиціоннымъ становился и порядокъ самыхъ пѣсень — одинаковый въ разныхъ сборникахъ. И мы должны признать совершенно точной характеристику такого рода поэзіи, сдѣланную бар. М. А. Корфомъ по поводу одного акростиха, помѣщеннаго въ «Лицейскомъ Мудрецѣ»: «Едва ли онъ (этотъ акростихъ) имѣлъ законнаго отца: такія пѣсы, равно какъ и то, что мы называли «національными пѣснями», импровизировались у насъ обыкновенно изустно дѣлюю толпою, и уже потомъ ихъ кто-нибудь записывалъ для памяти» ¹⁾.

Кромѣ сборниковъ, важнымъ источникомъ Лицейской поэзіи (преимущественно товарищей Пушкина или неизвѣстныхъ авторовъ, но не его самого) служатъ Лицейскіе журналы. Важнѣйшій изъ нихъ и лучше всѣхъ сохранившійся — «Лицейскій Мудрецъ», полностью напечатанный въ книгѣ К. Я. Грота «Пушкинскій Лицей» ²⁾. Въ нашемъ «Собраніи» мы находимъ почти всѣ стихотворенія, вошедшія въ извѣстные намъ нумера «Лицейскаго Мудреца» и въ два нумера «Мудреца-поэта», — представляющаго выдержку стихотворной части перваго, и при томъ недошедшихъ до насъ первыхъ его номеровъ (за 1814 годъ). Порядокъ стихотвореній журнала точно повторяется въ нашемъ «Собраніи»; сохранено и самое имя его за всѣмъ отдѣломъ. Семь пѣсень изъ журнала, напечатанныхъ у Грота, не вошли въ наше «Собраніе»; совпаденіе остальныхъ стихотвореній показываетъ, что до насъ дошла вся стихотворная часть «Лицейскаго Мудреца», за время его существованія; утрачена лишь проза, не вошедшая въ сборники «Мудреца-поэта».

Этимъ матеріаломъ исчерпываются сборники Лицейской поэзіи, Многія произведенія Лицейскихъ поэтовъ извѣстны намъ внѣ сборниковъ — въ рукописи и печати.

Въ отдѣльныхъ рукописяхъ извѣстны очень многія стихотворенія, какъ въ автографахъ, такъ и въ современныхъ копіяхъ, снятыхъ товарищами (напр., многія произведенія Пушкина записаны Илличевскимъ): нѣкоторая часть этихъ рукописей — стихотворенія Пушкина, Дельвига, Илличевскаго, Кюхельбекера — описаны и напечатаны въ книгѣ К. Я. Грота «Пушкинскій Лицей». Оригиналы ихъ

¹⁾ Я. К. Гротъ. Пушкинъ.... изд. 2-е, стр. 227.

²⁾ Стр. 254 — 319; см. также у Гаевского — «Современникъ» 1863 г., т. ХСVII, стр. 144—145, у Я. К. Грота, Пушкинъ.... изд., 2-е стр. 35—37.

хранятся въ его собраніи, находящемся въ Пушкинскомъ Домѣ. Другія рукописи использованы и описаны редакторами собраній сочиненій Пушкина — такъ какъ онѣ преимущественно принадлежатъ послѣднему.

Другія пьесы изъ Лицейской антологіи (насъ интересуютъ больше всего именно она — какъ составляющая содержаніе нашего «Собранія») извѣстны намъ только въ напечатанномъ видѣ, въ современныхъ и позднѣйшихъ журналахъ, въ старыхъ изданіяхъ сочиненій лицейскихъ поэтовъ, въ запискахъ ихъ товарищей. Слишкомъ долго и бесполезно было бы перечислять, какія изъ стихотвореній нашего «Собранія» гдѣ напечатаны. Достаточно указать «Записку» Корфа, напечатанную у Я. К. Грота ¹⁾; записки Пущина, напечатанныя Л. Н. Майковымъ ²⁾; журналы «Россійскій Музеумъ» 1815 года, «Сѣверный Наблюдатель» 1817, «Сынъ Отечества» 1821, «Русскій Инвалидъ» 1857, изданія Пушкина посмертное, Берлинское 1861 года и Анненкова, статьи Гаевского, К. Я. Грота и др.

Замѣчательно, что виднѣйшій послѣ Пушкина эпиграмматистъ и собиратель Лицейской антологіи, «пресловутый ийшій» — А. Д. Илличевскій, издавая въ 1827 году свои мелкія стихотворенія подъ заглавіемъ «Опыты въ антологическомъ родѣ», изъ всѣхъ своихъ Лицейскихъ произведеній включилъ туда всего три эпиграммы, да и то двѣ изъ нихъ въ сильно переработанномъ видѣ ³⁾. А между тѣмъ мы знаемъ довольно много его стихотвореній въ томъ же родѣ и въ «Лицейской Антологіи», и въ «Жертвѣ Мому»; вѣроятно, многія эпиграммы «Лицейскаго Мудреца» написаны имъ же, такъ какъ Пушкинъ въ немъ, кажется, не участвовалъ. Точно такъ же въ очень характерную для своего времени книжку М. А. Яковлева ⁴⁾ «Опытъ русской анеологіи»

¹⁾ «Пушкинъ...» Изд. 2, 1899 г., стр. 230 и сл.

²⁾ Л. Н. Майковъ. Пушкинъ, С.-Пб. 1899. Раньше: «Атенеи» 1838 г.

³⁾ «Мишукъ твердитъ, что я толкую о пустомъ...» (въ «Опытъ въ ант. родѣ» — Дамонъ); «На издателя Друга Юношества» (Собраніе — «Какая разница межъ публикой и имъ»...; «Оп. въ ант. родѣ» — «Въ чемъ разнорѣчить онъ съ читателемъ своимъ» и при томъ подъ заглавіемъ «На издателя журнала съ эниграфомъ «Съ нами Богъ»); «На музыканта» (въ Собраніи четверостишіе, въ «Оп. въ ант. родѣ» сокращено до двустишія).

⁴⁾ Не товарища Пушкина Михаила Лукьяновича, но Михаила Алексѣевича, критика и автора водевилей. См. объ этомъ у В. П. Гаевского, «Дельвигъ» «Современникъ» 1854 г., т. 47, отд. III, стр. 12); также у Н. А. Гастфрейнда, «Товарищи Пушкина по Имп. Царскосельскому Лицею», т. II, стр. 268.

(С.-Пб. 1828) не вошло ничего изъ всѣхъ многочисленныхъ произведеній Лицейской легкой поэзіи, кромѣ четверостишія Дельвига «Вакхъ», включеннаго Илличевскимъ въ «Лицейскую Антологію». Повидимому, сами лицейскіе поэты, черезъ 8—10 лѣтъ по окончаніи курса, уже очень мало цѣнили свои молодыя произведенія, хотя, напр., Илличевскій за эти 10 лѣтъ не сдѣлалъ никакихъ успѣховъ на поэтическомъ поприщѣ, и его Лицейскія эпиграммы ничуть не хуже позднѣйшихъ, а иногда и лучше. Надо думать, что важнѣе была другая причина: эпиграммы Лицейской поры становились настолько общимъ достояніемъ, настолько теряли своихъ авторовъ, переписываясь въ такихъ сборникахъ; какъ нашъ, что и позже авторы ихъ не считали возможнымъ включать ихъ въ собранія своихъ сочиненій.

Таковы всѣ имѣющіеся у насъ матеріалы.

Подводя итогъ обследованію нашего «Собранія», увидимъ, что изъ 197 стихотвореній, заключенныхъ въ немъ, напечатано всего 114—считая и тѣ, которыя мы знаемъ въ печати въ болѣе или менѣе измѣненной редакціи. Распредѣляются они такъ.

Пушкину принадлежитъ 26 стихотвореній, изъ которыхъ 3 или 4 нужно считать сомнительными ¹⁾; 15 стихотвореній написаны Илличевскимъ, при чемъ 6 изъ нихъ только ему приписываются ²⁾; 7 сти-

¹⁾ Въ «Жертвѣ Мому»: 37. Несчастіе Клита (Внукъ Тредьяковскаго, Клитъ, гекзаметромъ пѣсенки пишетъ...); въ «Лицейской Антологіи, собранной ийшіи» 1. «Аристъ намъ обѣщалъ трагедію такую...»; 2. «Супругою твоею я такъ пѣвнился...»; 3. На Рыбушкина (Бывало прежнихъ лѣтъ герой...); 5. Эпитафія (Здѣсь Пушкинъ погребенъ...); 17. «Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ»; 25. «Ахъ! Боже мой, какою» (Ты слышалъ вѣсть смѣшную?); 28. На Баболовскій дворецъ (Прекрасная! пускай восторгомъ насладится...); 30. Надпись на стѣнахъ больницы (Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ...); 33. «Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ...»; 35. «Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ...»; 55. «Охъ! тошно, тошно — помогите...» (приписывается); 56. Портретъ (Вотъ карапузикъ нашъ монахъ... Приписывается); 65. Сравненіе (Ты хочешь знать, моя драгая... Приписывается); 67. На Пучкову (Пучкова, право, не смѣшна...); 68. На нее же (Зачѣмъ кричишь ты, что ты дѣва...); 69. «Скажи, что новаго? — Ни слова...»; 78. Твой и мой (Богъ вѣсть за что философы пѣтты...); 79. Экспромтъ на А. (Въ молчаньѣ предъ тобой сажу...); 103. Дядѣ, названію сочинителя братомъ; 104. Къ портрету Каверина. 105. Къ письму. 108. Сновидѣніе. 109. Она. 110. Надпись въ бесѣдкѣ. 112. Завѣщаніе К.

²⁾ Въ «Національныхъ пѣсняхъ»: 1. «Лѣто, знойна дщерь природы...»; въ «Жертвѣ Мому»: 42. Опроверженіе (Нѣтъ, полно, Мудрецы, обманывать

хотвореній Дельвига и 1 — Кошанскаго, введенное лишь для сопоставленія съ пародіей Дельвига ¹⁾. Остальные напечатанныя стихотворенія анонимны. Это — 14 національных пѣсенъ (всѣ, кромѣ одной, написанной Илличевскимъ) и 46 стихотвореній и эпиграммъ изъ журналовъ «Лицейскій Мудрецъ» и «Мудрецъ поэтъ»; всѣ они цѣликомъ напечатаны К. Я. Гротомъ въ книгѣ «Пушкинскій Лицей». Наконецъ, 5 стихотвореній изъ отдѣловъ «Жертва Мому» и «Лицейская Антологія, собранная ийшій» ²⁾.

Никогда и нигдѣ, насколько удалось выяснитъ, не появлялось въ печати 83 стихотворенія изъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ. И всѣ они — анонимны. Слѣдовательно, болѣе $\frac{2}{5}$ сборника представляетъ собою новый матеріаль.

Что же представляетъ собою наше «Собраніе»? Сравнивая его со всѣми извѣстными намъ сборниками Лицейскихъ стихотвореній, мы видимъ, что оно стоитъ особнякомъ, и ни одинъ изъ сборниковъ, исчезнувшихъ и сохранившихъ намъ только свое имя, не можетъ быть съ нимъ отождествленъ. Его составитель рѣшилъ на

вамъ свѣтъ... Приписывается); въ «Лиц. Антологіи, собранной ийшій»: 18. «Повѣрь, тебя измѣрить разомъ...»; 43. «Ты выбралъ къ басенкамъ заглавіе простое...»; 46. Мишукъ твердитъ, что я толкую о пустомъ...»; 47. «Бѣда моя, бѣда! Я точно какъ Ефремъ...» (Припис.); 48. «Какъ правильны у васъ фигуры...» (Припис.); 49. «Вы лица славно написали...» (Припис.); 50. «Калина! Я тебя нарисовалъ Калиной»; 70. «Куда спѣсивъ учивый Брутъ...»; 71. На Музыканта (Ай мастеръ! ты еще лихого...); 76. Издателю: Друга Юношество. (Издателю журнала съ эпиграфомъ: Съ нами Богъ); 77. На Музыканта. (Межъ Орфеемъ и тобою...); 80. Еще на Пучкову (Зачѣмъ объ инвалидной доле...); 111. «Ты разбранилъ портретъ Герода» (у К. Грота — Двустигіе).

¹⁾ А. А. Дельвига: пародія «На смерть кучера Агафона» (№ 36); въ «Лиц. Антологіи, собранной ийшій»: 6. Вакхъ. (Прощай, Венера, Богъ съ тобою...); 58. Въ альбомъ княжѣ Волконской (Сестрицѣ! можно ли прелестную забыть?..); 73. Переводчику: къ Дюну (Благодарю за переводы...); 81. Надпись на мой портретъ. (Не бойся, Глазуновъ, ты моего портрета...); 107. Тріолетъ К. Г. [Князю Горчакову]; 113. Мадригалъ (Могу ль забыть то сладкое мгновеніе). Кошанскаго: На смерть графини Ожаровской (№ 35).

²⁾ Въ «Жертвѣ Мому»: 41. Пѣвецъ (Аполлонъ, напившись пьянъ... У К. Грота — въ числѣ Национальных пѣсенъ); 49. Неправосудіе (Дамону доказать хотѣлось...); 50. На переводъ поэмы «La religion» (Я дѣло доброе сегодня учинилъ...); Въ «Лиц. Антологіи собранной ийшій»: 26. «Марушкинъ, борзый стихотворъ...» (у К. Грота: О чемъ ни сочинитъ бывало...); 64. «Пегасъ, навьюченный Лапландскими стихами»...

память о Лицеѣ наиболее полно сохранить поэтическія произведенія перваго его курса, и соединилъ въ своемъ сборникѣ то, что въ другихъ подобныхъ рукописяхъ мы знаемъ разрозненнымъ и обособленнымъ, т. е. соединилъ въ одно цѣлое нѣсколько сборниковъ: 1) собраніе національныхъ пѣсенъ; 2) ранній сборникъ эпиграммъ—Жертва Мому; 3) выборку изъ журнальныхъ стихотвореній—Мудрецъ-поэтъ; 4) сборникъ, составленный Илличевскимъ—Лицейская Антологія, собранная ийшію; 5) особнякомъ стоящую и не входившую въ сборники, но популярную пародію Дельвига «На смерть кучера Агафона». Соединеніе этихъ пяти (точнѣе четырехъ) частей—чисто механическое; но при ближайшемъ разсмотрѣніи окажется, что всѣ стихотворенія Собранія объединены однимъ характеромъ: это—легкія пьесы, сатирическія и юмористическія. Исключеніемъ могутъ показаться нѣкоторыя пьесы Пушкина—такія, какъ «Къ письму», «Сновидѣніе», «Надпись къ бесѣдкѣ», и Дельвига «Мадригалъ»—болѣе серьезнаго, элегическаго содержанія; но и онѣ по формѣ представляютъ собою надписи или мадригалы, т. е. подходятъ подъ тѣ поэтическія произведенія, которыя тогда объединялись довольно неопредѣленнымъ названіемъ «Антологія». Все остальное въ сборникѣ—или эпиграммы на товарищей, главнымъ образомъ на Кюхельбекера, на учителей и гувернеровъ, на литературныхъ дѣятелей того времени, или юмористическіе стихи (таково все содержаніе Лицейскаго Мудреда), или, наконецъ, сатирическія произведенія, къ которымъ прежде всего принадлежатъ «Національныя пѣсни». Всѣ эти пьески, то складывавшіяся коллективно, то сочиняемыя экспромptomъ подъ впечатлѣніемъ минуты, становились быстро достояніемъ маленькаго лицейскаго мірка и теряли своихъ авторовъ. Иные сборники (напр., Матюшкинская тетрадь, Лицейская тетрадь, изданная М. Гершензономъ) сохранили намъ тщательно всѣ имена. Но въ нихъ антологическая поэзія не составляетъ главнаго содержанія, а входитъ лишь между прочимъ, національная же поэзія отсутствуетъ совсѣмъ. Нашъ же сборникъ имѣетъ цѣлью сохранить не поэзію отдѣльныхъ авторовъ, а цѣлый циклъ лицейскихъ произведеній опредѣленнаго характера—циклъ, объединенный формой и характеромъ пьесъ.

Отсюда его анонимность. Этимъ также можно объяснить его подзаголовокъ, данный на первомъ листѣ: «Національныя пѣсы»;

«національними піесами» названы, такимъ образомъ, всѣ стихотворенія сборника, хотя собственно то, что принято было называть «національними пѣснями», составляетъ меньше десятой доли ихъ. Остальныя стали національными, утративъ своихъ авторовъ и растворившись въ общей лицейской средѣ, чему доказательствомъ служить, напр., то, что завѣдомо Иличевскимъ написанное стихотвореніе «Лѣто, знойна дщерь природы...», ставшее впоследствии какъ бы гимномъ I-го курса, исполнявшимся на празднованіяхъ лицейскихъ годовщинъ, въ нашемъ сборникѣ прямо включено въ отдѣлъ «Національныхъ пѣсенъ» и притомъ на первомъ мѣстѣ.

Такой общій характеръ сборника можетъ, намъ кажется, объяснить и обозначеніе его, какъ «Часть III». Обозначеніе не случайное: цифра 3 повторяется и на корешкѣ переплета. Несомѣнно существовали и 1-я, и 2-я части нашего собранія; 4-ой части, вѣроятно, не было: третья часть, заключающая національную поэзію, оканчивала это полное собраніе лицейскихъ стихотвореній. Въ первыя же двѣ части входили, конечно, тѣ стихотворенія, которыя мы знаемъ изъ другихъ, дошедшихъ до насъ, сборниковъ—Матюшкинской тетради, «Духа Лицейскихъ Трубадуровъ», тетради, напечатанной М. Гершензономъ въ «Русскихъ Пропілеяхъ», и другихъ, и которыя почти всѣ не вошли въ наше «Собраніе», т. е. — болѣе значительныя лирическія произведенія Пушкина, Дельвига, Кюхельбекера, Иличевского, Корсакова—главнымъ образомъ, конечно, Пушкина,—вошедшія въ собранія сочиненій двухъ первыхъ. Такія пьесы не могли обезличиваться, не могли терять именъ своихъ авторовъ и не становились «національными». Потому то неизвѣстный собиратель лицейской поэзіи долженъ былъ ихъ выдѣлить, какъ самое значительное и дѣльное ея твореніе, въ первыя двѣ части своего Собранія. Таковы самыя возможныя предположенія.

Попробуемъ дать теперь характеристику нашего матеріала, преимущественно Лицейской антологіи въ ея неапечатанной и неизвѣстной до сихъ поръ части. При этомъ возникаетъ рядъ вопросовъ: объ авторствѣ тѣхъ или иныхъ Лицейскихъ поэтовъ; о происхожденіи антологической поэзіи Лицея; о формахъ Лицейскаго эпиграмматическаго творчества, его темахъ и содержаніи; третій вопросъ—особенно съ его формальной стороны—тѣсно связанъ со вторымъ, такъ какъ достаточно уже установлено, что формы лицейской антологіи не са-

мостоятельны, и эпиграммы ихъ представляютъ часто заимствованія, а иногда и прямые пересказы и переводы.

Что касается перваго вопроса, то наше «Собраніе» не даетъ никакихъ прочныхъ основаній для его рѣшенія—ни въ смыслѣ установки принадлежности новыхъ произведеній тому или иному автору, ни въ смыслѣ пересмотра и исправленія старыхъ положеній. Мы имѣемъ дѣло не съ автографами, а съ копіей, безличной и ничего не говорящей. Другихъ источниковъ, съ которыми можно было бы сличить тексты, у насъ нѣтъ. Сличеніе, сдѣланное выше, текста національныхъ пѣсенъ съ листками Грота, написанными индивидуальными почерками, лишь подтверждаетъ безличность пѣсенъ, но никакъ не позволяетъ приписать ихъ тому или иному автору.

Антологическія пьесы, несомнѣнно, индивидуальны. Но въ то время, въ 1814—1816 годахъ, индивидуальность ихъ авторовъ еще недостаточно ярко обозначилась. Въ своихъ элегіяхъ и посланіяхъ тѣхъ же лѣтъ Пушкинъ, хотя и слѣдовалъ въ формахъ Жуковскому и Батюшкову, уже очень отличался отъ своихъ лицейскихъ товарищей по перу, былъ индивидуаленъ въ настроеніяхъ и далеко ушелъ отъ нихъ въ формальномъ выраженіи своего поэтического чувства. Здѣсь, въ эпиграммахъ, иное дѣло: рѣзче выражена подражательность, слабѣе—индивидуальность авторовъ. Самыя темы слишкомъ общи, способы ихъ выраженія слишкомъ традиціонны, выражаютъ общій тонъ и настроенія литературно-образованныхъ круговъ того времени, къ которымъ вседѣло примыкали лицеисты, а въ ихъ лицейскомъ кругу одинаково могутъ выражать взгляды Пушкина, Дельвига, Илличевского, Корсакова—всѣхъ лицейскихъ поэтовъ, стоявшихъ на извѣстномъ общемъ уровнѣ развитія и интересовъ. Конечно, Пушкинъ и здѣсь былъ несравненно выше товарищей въ смыслѣ начитанности и литературнаго развитія. Но это сказывалось въ его серьезныхъ вещахъ, въ его лирикѣ; а поверхностной образованности, вкуса и легкаго остроумія, которыя только и были нужны при писаніи эпиграммъ, было достаточно у всѣхъ лицейскихъ поэтовъ.

И вотъ поэтому, если желать, во что бы то ни стало, опредѣлить автора того или иного стихотворенія, приходится только строить догадки, основываясь на содержаніи, на аналогіи съ другими, завѣдомо опредѣленными стихотвореніями, иногда—на достоинствѣ стиха. Такія гипотезы всегда возбуждаютъ сомнѣнія, а въ боль-

шинствѣ случаевъ—для нихъ нѣтъ никакихъ основаній, да онѣ и бесполезны.

Другой сложный вопросъ при характеристикѣ Лицейской антологической поэзіи—вопросъ о ея происхожденіи и объ испытанныхъ ею влияніяхъ. Что Лицейская антологія несамостоятельна—это можно сказать априорно: ея формы и даже многія ея темы были тогда ходячими, и знаніе ихъ составляло необходимую принадлежность всякаго остроумнаго свѣтскаго человѣка, даже и не мнившего себя поэтомъ. Но пути и направленія влияній недостаточно еще выяснены, и далеко не всегда та или иная эпиграмма, воспринимаемая въ чтеніи, какъ явный сколокъ съ какого-то образца, поддается опредѣленію со стороны генеалогіи,—часто оттого, что формы эпиграммъ, какъ разъ очень общи и обращаются въ шаблонъ, гдѣ невозможно выяснить первоисточникъ.

Послѣдній нужно отыскивать прежде всего во французской эпиграмматической поэзіи XVIII вѣка; она пышно расцвѣла особенно во вторую половину столѣтія, распространяясь и въ сборникахъ отдѣльныхъ поэтовъ, и въ альманахахъ, и въ періодическихъ изданіяхъ. Ее воспринимали—путемъ подражанія и переводовъ—русскіе поэты классической школы, передавшіе антологическій родъ и болѣе позднему поколѣнію. И вѣроятно имъ—русскимъ подражателямъ, а не западнымъ оригиналамъ—слѣдовали лицейскіе поэты; такъ, напримѣръ, врядъ ли кто-нибудь изъ нихъ (кромѣ, разумѣется, Пушкина), ¹⁾ зналъ въ подлинникахъ французскихъ поэтовъ-эпиграмматистовъ, множество незначительныхъ, забытыхъ именъ, затерянныхъ въ «Almanach des Muses» и въ «Mercure de France», въ совокупности составлявшихъ дѣльную школу. А русскихъ поэтовъ они хорошо знали и могли легко слѣдовать доступнымъ образцамъ. Для характеристики вкуса къ такого рода поэзіи, ея содержанія и авторовъ, особенно показателенъ сборникъ, изданный въ 1828 году М. А. Яковлевымъ, подъ названіемъ «Опытъ русской анеалогіи». Яковлевъ—извѣстный тогда литераторъ, театральный критикъ «Сѣверной Пчелы» и авторъ водевилей, долженъ вѣрно отражать литературные вкусы своего времени—и при томъ запоздалые, т. е. въ 1828 году ославшіеся на уровнѣ предшествующаго десятилѣтія.—И вотъ мы видимъ,

¹⁾ См. объ этомъ статью Александра Попова: «Пушкинъ и французская юмористическая литература XVIII вѣка» въ сборникѣ «Пушкинистъ», вып. II, Пгр. 1916.

что изъ 460 слишкомъ стихотвореній, принадлежащихъ 73 авторамъ и частью анонимныхъ, первое мѣсто (56) занимаетъ И. И. Дмитріевъ, самый извѣстный изъ «антологическихъ» поэтовъ и эпиграмматистовъ старой школы; далѣе слѣдуютъ Пушкинъ—глава новаго направленія,—Карамзинъ, Илличевскій, Боратынскій, А. Измайловъ, Батюшковъ, Вяземскій, Жуковскій, В. Л. Пушкинъ. Конечно, за 10 лѣтъ, къ 1828 году, интересы передвинулись, новая, молодая школа возобладала, и отошли на второй планъ многіе поэты XVIII вѣка, имѣвшіе несомнѣнно вліяніе на лицейство, какъ А. П. Сумароковъ, князь Д. Горчаковъ, Капнистъ, В. Майковъ; но общія линіи остаются тѣ же, и сборникъ отчетливо показываетъ кругъ темъ и формы антологической поэзіи: онъ очень близки и вполне родственны формамъ и содержанію лицейскаго сборника. И еще характерная черта: почти четверть стихотвореній въ «Опытѣ» М. А. Яковлева—анонимы, такія же безымянныя, ходячія пьесы, утратившія авторовъ, какъ и эпиграммы нашего Собранія. И напрасно стали бы мы доискиваться творцовъ тѣхъ и другихъ.

Останавливаться болѣе подробно на источникахъ Лицейской антологіи нѣтъ возможности: вопросъ потребовалъ бы спеціальнаго изслѣдованія. Обратимся къ содержанію нашего Собранія.

Первые его отдѣлы—«Национальныя пѣсни» и «Лицейскій Мудрецъ»—напечатаны цѣликомъ и прокомментированы К. Я. Гротомъ въ книгѣ «Пушкинскій Лицей». Никакихъ дополненій, сравнительно съ печатнымъ текстомъ, и никакихъ вариантовъ и новыхъ редакцій, которыя имѣли бы значеніе, наше «Собраніе» не даетъ. Строфы слѣдуютъ иногда (напр., въ пѣснѣ о нуляхъ) не въ томъ порядкѣ, но самыя пѣсни таковы, что это не мѣняетъ ихъ смысла—вѣроятно, и пѣлись онѣ по разному. «Лицейскій Мудрецъ», какъ уже было сказано, представленъ въ Собраніи не такъ даже полно, какъ въ книгѣ К. Я. Грота, воспроизводящей подлинный № журнала. Все, что есть въ нашемъ Собраніи новаго, ненапечатаннаго, содержится въ двухъ послѣднихъ отдѣлахъ: въ «Жертвѣ Мому или Лицейской Антологіи» и въ «Лицейской Антологіи, собранной іѣйшій»; по формѣ и содержанію къ нимъ вполне примыкаетъ отдѣлъ эпиграммъ изъ «Лицейскаго Мудреда». На этихъ отдѣлахъ мы и остановимся.

Самое названіе «антологія», присвоенное обоимъ отдѣламъ, указываетъ на ихъ содержаніе. Какъ извѣстно, въ то время, слѣдуя

французскимъ образцамъ XVIII вѣка, подъ антологическими разумѣлись стихотворенія небольшого размѣра, отдѣланныя и изящныя по формѣ, легкія по содержанію,—будь то эпиграмма, мадригалъ, надпись къ портрету или въ альбомѣ и даже эпитафія. Понятіе было настолько неопредѣленно, что, напр., Иличевскій дѣлитъ свои «Опыты въ антологическомъ родѣ» отчасти по содержанію («Аллегоріи», «Анакреонтическія стихотворенія», «Басни», «Идилліи», «Мадригалы», «Надгробія», «Надписи», «Эпиграммы» и т. д.), частью по формѣ, и притомъ самымъ примитивнымъ образомъ: «Двустистишія», «Четверостишія», «Шестистишія», «Тріолеты» и т. д. На тѣ же отдѣлы «Мадригаловъ», «Надписей», «Надгробій», «Эпиграммъ» можно было бы разбить антологическія пьесы нашего Собранія, но съ преобладаніемъ послѣдняго—эпиграмматическаго рода.

Разсматривая эти эпиграммы съ вѣднней стороны, мы видимъ, что въ нихъ сравнительно рѣже встрѣчаются діалогъ и цѣлый разсказъ, анекдотъ—родъ болѣе трудный, требующій соединенія словесной краткости съ образностью, выразительностью и живостью. Большею частью онѣ заключаютъ лишь колкое замѣчаніе, остроу или каламбуръ, облеченные въ риемованныя строки,—то, что Буало опредѣлялъ, какъ «un bon mot de deux rimes opposées», но гдѣ вмѣсто «bon mot» нѣрѣдко лишь описаніе въ каррикатурныхъ выраженіяхъ. Словесная форма стихотвореній часто несовершенна и примитивна. Лицейскіе поэты, справляясь съ техникой стиха, съ метромъ и съ риемой, не находятъ во многихъ случаяхъ достаточно яркихъ и образныхъ, при необходимой краткости, выраженій, и эпиграммы выходятъ прѣсны и невыразительны: тонкость, внутренняя острота замѣняются грубостью, конечно, ослабляющей впечатлѣніе. Особенно это замѣтно въ эпиграммахъ, направленныхъ на Вилю (Кюхельбекера), на прочихъ лицейскихъ наставниковъ и товарищей, намекающихъ на случаи повседневной лицейской жизни, что объясняется, конечно, ихъ экспромптнымъ характеромъ, тѣмъ, что онѣ написаны на случай, не отдѣланы и, повидимому, даже въ глазахъ авторовъ не имѣли значенія. Гораздо совершеннѣе и обработаннѣе эпиграммы, говорящія о литературныхъ явленіяхъ, о событіяхъ и лицахъ, болѣе далекихъ отъ классной жизни, или придающія насмѣшкамъ надъ товарищами болѣе общее значеніе, преимущественно литературное.

Стихотворенія, не подходящія подъ названіе эпиграммъ, вкраплены въ сборникъ случайно. Ихъ очень мало; это—либо мадригалы и небольшія любовныя пьески Пушкина и Дельвига («Сонъ», «Къ письму», «Къ Баболовскому Дворцу»—Пушкина, «Мадригалъ»—Дельвига), либо легкія пьески, лишеныя эпиграмматическаго смысла, но подходящія вполне подъ понятіе антологіи, какъ краткія сентенціи (напр., Эпитафія—«Вдругъ развязавъ глаза, пустила...»—см. ниже), либо болѣе длинныя стихотворенія, скорѣе представляющія собою національныя пѣсни (какъ «Жалкій человекъ», «Нѣмецъ нѣмцу вслѣдъ иди...»). Послѣднія очень слабы и, въ сущности, не подходятъ подъ общій тонъ и уровень сборника «Лицейской Антологіи».

По формѣ всѣ эпиграммы и другія пьесы, кромѣ помянутыхъ послѣдними, очень кратки,—какъ имъ и положено. Большею частью—четверостишія, иногда даже—двустишія; шесть и восемь стиховъ встрѣчаются рѣже. Преобладающій въ нихъ метръ—традиціонный съ XVIII вѣка для произведеній такого рода пятистопный ямбъ; почти такъ же часто встрѣчается излюбленный впоследствии нашими поэтами ямбъ четырехстопный; иногда тотъ и другой комбинируются. Очень рѣдки другіе метры: хореическій стихъ во всей «Антологіи» встрѣчается всего два раза; трехсложныхъ стопъ въ ней нѣтъ совсѣмъ, а въ «Жертвѣ Мому»—всего въ одномъ случаѣ. Все это показываетъ еще точное слѣдованіе старымъ образцамъ русскаго классицизма, для которыхъ ямбическіе метры были каноничны въ русскомъ стихѣ.

Хронологическій порядокъ стихотвореній въ нашемъ Собраніи установить невозможно, что, конечно, сильно затрудняетъ его изученіе. Повидимому, они записаны въ очень случайной послѣдовательности, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя мы знаемъ въ печати и можемъ датировать по другимъ источникамъ, не выдержаны хронологически; напримѣръ, послѣ «Надписи на стѣнахъ больницы» Пушкина, относимой, по свидѣтельству Пушкина, къ 1817 году, слѣдуетъ его же эпиграмма «Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ»... 1814 года, далѣе—«На смерть стихотворца» (Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ...), напечатанная въ №2 «Сѣвернаго Наблюдателя» за 1817 годъ, а написанная, вѣроятно, въ 1816 году, и послѣ нея—стихотвореніе Илличевского «Ты выбралъ къ басенкамъ заглавіе простое»..., написанное едва ли позднѣе 1814 года. Можно думать только, что отдѣлъ

«Жертва Мому» содержитъ стихотворенія только самыхъ раннихъ лѣтъ, если принимать утвержденіе Гаевского (а отвергать его нѣтъ основаній), что онъ переписанъ Пушинымъ въ 1814 году. Другой отдѣлъ, заключающій стихотворенія и эпиграммы изъ журнала «Лицейскій Мудрецъ», отражаетъ нѣсколько болѣе позднюю эпоху: журналъ, какъ извѣстно, издавался въ 1814—1815 годахъ, а, быть можетъ, и до конца 1816-го года¹⁾; въ «Лицейскую же Антологію» вошли пьесы разныхъ лѣтъ, отъ очень раннихъ (1813 года) до времени окончанія курса.

Наиболѣе слабыя эпиграммы принадлежатъ «Жертвѣ Мому». Если вѣрно свидѣтельство Гаевского, что это — почти все произведенія Пушкина, то можно думать, что онѣ принадлежатъ къ самой ранней порѣ его творчества. Темы ихъ узки и не выходятъ почти изъ рамокъ школьнаго зубоскальства, подчасъ — грубаго и большею частью — очень примитивнаго. Главный предметъ насмѣшки — В. К. Кюхельбекеръ, Виля, Вильмушка, Клитъ; подъ послѣднимъ именемъ онъ выстѣпаетъ на всемъ протяженіи «Собранія». Въ немъ осмѣиваются не только умственные и душевные свойства его, поэтическое творчество, критическіе опыты, но даже наружность — неуклюжесть, неумѣніе ловко носить костюмъ..., какъ видно очень узкое, чисто «классное» острословіе.

Нѣкоторыя изъ эпиграммъ выражены въ очень неуклюжей и мало-понятной формѣ, на примѣръ:

Н А Д П И С Ь

на конную статую пушкаря В. фонъ-Рекеблихера.

Подъѣзжаетъ и несчастной
Къ Амариллѣ голубой
Голубокъ любовью страстной
Виля, рыцарь отставной²⁾.

¹⁾ Послѣднее сомнительно, несмотря на утвержденіе Гаевского — ничѣмъ, впрочемъ, не доказанное — см. «Современникъ» 1863 г., т. ХСVII, стр. 144; наше Собраніе, вообще очень полно сохранившее и Національныя пѣсни, и Лицейскую Антологію, включаетъ изъ «Мудреца» какъ разъ только то, что извѣстно и К. Я. Гроту, — т. е. стихотворенія изъ номеровъ журнала 1814—1815 года, но не даѣе.

²⁾ «Жертва Мому», № 38. Амарилла — названіе эклоги, сочиненной профессоромъ Лицея Кошанскимъ и напечатанной въ журналѣ «Новости Русской

Или такая, грубоватая и лишенная всякой эпиграмматической соли («Ж. М.» № 44):

В О П Р О С Ъ.

Ахъ! батюшки, какой уродъ!
Широкій носъ, широкій ротъ,
Широкій задъ и узки плечи,
И узкій умъ, и плоски рѣчи!...
Скажите, что это за филія?...
Виля,

которую можно сопоставить съ другой эпиграммой, изъ «Антологіи», направленной, вѣроятно, также противъ Кюхельбекера (Ант. № 63):

ПОРТРЕТЪ.

Хвала! квадратный исполинъ
Съ аршинною душою,
И носъ въ аршинъ, и ротъ въ аршинъ,
И умъ въ аршинъ длиною.

О томъ же Кюхельбекерѣ, какъ о портѣ и литературномъ критикѣ говорятъ другія эпиграммы:

НОВЫЙ АПОЛЛОНЪ.

Побѣхалъ, поскакалъ Тарасъ
На греческій Парнасъ,
Ну вотъ, ослы вскричали,
Мы худо отъ чего мычали,
Вѣдь съ нами не былъ Аполлонъ;
Теперь покажемся ^ж вотъ онъ!
И всѣ Тарасу восплескали
И ими онъ, и имъ они довольны стали ¹⁾.

(«Ж. М.» № 46).

Литературы» 1803 г., ч. VIII, стр. 321; женское имя, распространенное также во французской поэзии XVIII вѣка. Конной статуей Кюхельбекеръ назывался въ насмѣшку за свой высокой ростъ.

¹⁾ Имѣется въ виду, конечно, увлеченіе Кюхельбекера античными мотивами—его греческимъ гимназъ посвящено въ «Антологіи» нѣсколько эпиграммъ; нельзя не видѣть на эпиграммѣ впечатлѣніа басни Крылова «Ослы». Имя Тараса—условное, для отгѣненія разницы между неудачнымъ портретомъ и высокими темами его творчества.

НА СОЧИНЕНІЕ: ТЕЛАСКО.

Клитъ плачетъ и хлопочеть,
 Что Цензоръ пропуститъ стиховъ его не хочетъ,
 Однако Цензоръ правъ, и впрямь
 Чтобъ было... право я придумать не умѣю!
 Чтобъ было съ публикой, коль Авторъ самъ
 Съ ума сошелъ надъ книгою своею ¹⁾.

Къ тому же творенію Кюхельбекера относится и анонимная эпиграмма «Опроверженіе», напечатанная въ запискѣ М. А. Корфа ²⁾.

Болѣе общую, отвлеченную тему, не имѣющую въ виду опредѣленнаго лица, какія были въ модѣ въ эпиграмматической литературѣ, затрагиваетъ эпиграмма

ИСПЫТАНІЕ.

Хотѣлось мнѣ народъ однажды испытать;
 И кто не безъ затѣвъ?
 Пошелъ нанять я стиходѣвъ,
 Чтобъ кто-нибудь взялся Клеону написать
 Похвальну оду или слово.
 Чтожъ? сто даю рублей — никто не хочетъ брать.
 Даю и тысячу — нѣтъ толку никакова,
 Но только попросилъ сатиру написать, —
 Лишь вымолвилъ — и даромъ все готово.

(«Ж. М.» № 37).

Если смыслъ этихъ стиховъ не глубокъ, остроуміе непритязательно и грубовато, то форма ихъ, при всей подражательности образцамъ XVIII вѣка, особенно замѣтной въ послѣдней пьесѣ, легка и свободна, легче, чѣмъ у многихъ признанныхъ стихотворцевъ того времени. Одна изъ эпиграммъ «Жертвы Мому» вошла и въ сочиненія Пушкина и очень извѣстна. Это — «Несчастье Клита» (Внукъ Тредьяковскаго Клитъ гекзаметромъ пѣсенки пишетъ... «Ж. М.» № 37) — первый опытъ Пушкина въ гекзаметрѣ, но еще не освобожденномъ отъ рифмы. Самое слабое произведеніе сборника — длинный шуточный рассказъ, не подходящій подъ понятіе эпиграммы: «На случай, когда Вилия на балѣ разтерялъ свои башмаки» («Ж. М.»

¹⁾ «Ж. М.» № 53; Теласко — названіе одного изъ самыхъ раннихъ произведеній Кюхельбекера, кажется, поэмы, не дошедшей до насъ.

²⁾ Я. К. Гротъ. Пушкинъ... etc., 2-е изд., стр. 245.

№ 48), написанный неуклюжими, дубовыми стихами, до того слабый, что своими недостатками онъ выдѣляется среди другихъ и его можно сравнить только со слабѣйшими стихотвореніями «Лицейскаго Мудреца», и трудно рѣшить, кто можетъ быть его авторомъ. Но и въ другихъ эпиграммахъ нѣтъ возможности отличить руку Пушкина (вспомнимъ, что Гаевскій именно ему приписываетъ большую часть стихотвореній въ «Жертвѣ Мому») отъ рукъ его товарищей— прежде всего Илличевского 1).

Какъ видно, литературныя вліянія на содержаніи мало сказываются— лишь чисто вышнимъ образомъ, въ формѣ стихотвореній. Замѣтнѣе они въ эпиграммахъ изъ «Лицейскаго Мудреца», напечатанныхъ у К. Я. Грота и, какъ сказано, принадлежащихъ, вѣроятно, болѣе позднему времени. Болѣе совершенное литературное развитіе, школа, пройденная лицейскими поэтами, сказываются здѣсь и въ темахъ, и въ формахъ.

Темы— очень отвлеченныя, остроумныя замѣчанія, краткія сатиры, никуда опредѣленно не направленные, выраженные въ общей формѣ: насмѣшки надъ неудачными поэтами, надъ врачами, надъ глупостью и уродствомъ, надъ общечеловѣческими слабостями и пороками, — словомъ, все, что было такъ въ ходу въ эпиграмматической поэзіи XVIII вѣка во Франціи и перешло къ намъ въ твореніяхъ И. И. Дмитріева, князя Вяземскаго, А. Е. Измайлова, В. Л. Пушкина и др., — начиная съ А. П. Сумарокова. Соотвѣтственно темамъ условныя и имена: Дамонъ, Даметъ, Алциндоръ, Дорида, Глупонъ, Осланъ, Пуствовъ, Уродкинъ... Личныя темы, тотъ же Кюхельбекеръ, не затронуты ни въ одной эпиграммѣ. Тѣмъ труднѣе опредѣлить, какіе авторы или авторъ участвовали въ ихъ сочиненіи. Объ участи Пушкина въ «Лицейскомъ Мудрецѣ» мы не имѣемъ данныхъ, хотя нѣкоторые замѣчанія графа М. А. Корфа позволяютъ думать, что онъ въ немъ не писалъ. Но легкость и правильность стиха и самая «литературность»

1) Такъ, напр., эпиграмма «Опроверженіе», по словамъ Гаевского, принадлежащая Илличевскому, ничуть не слабѣе другихъ на тѣ же темы. приписываемыхъ Пушкину:

Нѣтъ полно, Мудрецы, обманывать вамъ свѣтъ
И утверждать свое, что совершенства нѣтъ
На свѣтѣ въ твари тлѣнной:

этих эпиграммъ заставляютъ не отвергать возможности и его авторства вмѣстѣ съ другими поэтами.

Переходимъ къ «Лицейской Антологіи». Содержаніе ея очень пестро и очень неровнаго качества, — начиная отъ грубоватыхъ, школьныхъ эпиграммъ на Кюхельбекера и на разные случаи Лицейской жизни и кончая опредѣленными литературными выпадами, показывающими живое участіе лицейство въ движеніяхъ и спорахъ современной литературы.

Эпиграммы на Кюхельбекера разсыпаны по всей Антологіи и составляютъ продолженіе «Жертвы Мому». Таково стихотвореніе

ПОССОРИВШЕМУСЯ.

Поэтъ надутый Клитъ
Закался со мной навѣки говорить.
О Клитъ любезный мой, смягчися умоляю,
Я безъ твоихъ стиховъ безсонницей страдаю,
(Ант. № 4)

гдѣ использованъ мотивъ, очень распространенный въ тогдашней эпиграмматической поэзіи. Такова же и слѣдующая:

Скажи мнѣ, боленъ ты, иль въ мысли углубился?
— У Молчова я былъ — чтожъ дѣлалъ ты — я спалъ —
— Не можетъ быть, въ гостяхъ! конечно, ты забылся —
— Нѣтъ! твердо помню то, что онъ стихи читалъ
(Ант. № 7),

не называющая прямо Кюхельбекера, но сходная съ предыдущей.

Къ Кюхельбекеру также относится рядъ эпиграммъ, схожихъ со стихотвореніями изъ «Жертвы Мому»:

Сказали вы, пріятель мой,
Что съ чортомъ сходенъ я душой.
Вы жъ, Людвигъ Карловичъ! на дьявола похожи,
Хоть не съ ума, такъ съ рожн. (Ант. № 83).

Куда мудреное старанье
Достать примѣръ дурныхъ стиховъ:
Пиши ты Вильмушкѣ посланье,—
Онъ отвѣчать тебѣ готовъ. (Ант. № 85).

Явился Вилинька, и докажи собой,
Что ты и тѣломъ и душой
Уродъ пресовершенный. («Ж. М.» № 42).

«Пушкинъ въ Лицеѣ»... «Современникъ» 1863, т. ХСѢІІ, стр. 147.

НА ИЗДАТЕЛЯ МЕЛОЧЕЙ.

Нашъ Дыдинъ въ мелочи пустился
И издаетъ ихъ на обумъ —
Такъ видно въ публику рѣшился
Онъ выдать душу — сердце — умъ? (Ант. № 89).

Къ послѣдней примыкаетъ и другая:

Какъ мѣлочъ Вильмушки издается,
Гдѣ мнѣ ее найти удастся?
Но вотъ еще вопросъ смѣшной —
Извѣстно — въ лавкѣ мѣлочной. (Ант. № 96).

Три эпиграммы довольно грубо высмѣиваютъ увлеченіе Кюхельбекера древними образцами и писаніе возвышенныхъ гимновъ ¹⁾. Изъ нихъ приведемъ первую:

Нѣмчинъ нашъ гимнами лишь дышетъ
И гимнами душа полна —
Да кто жъ ему-то гимнъ напишетъ?
— А гимнъ глупцамъ Карамзина. (Ант. № 93).

Наконецъ, одна эпиграмма — и изъ самыхъ остроумныхъ въ сборникѣ — говорить о дѣйствительномъ происшествіи, случившемся въ Лицеѣ — о покушеніи Кюхельбекера, доведеннаго до отчаянія насмѣшками товарищей, на самоубійство, увѣковѣченномъ также извѣстною каррикатурою Иличевского:

НА ПОТОПЛЕНИЕ К.

Клитъ бросился въ рѣку. Поплачьте о поэтѣ:
Не пережилъ онъ чады, давно утопшихъ въ Лѣтѣ.
(Ант. № 106).

Нѣсколько эпиграммъ посвящены товарищамъ и наставникамъ. Иныя отиѣчаютъ только случаи ихъ школьной жизни, безъ стремленія къ эпиграмматической колкости, но только къ комизму — напр., двустипіе, обращенное къ Пушкину и неподходящее для печати (Ант. № 66). Другія представляютъ эпиграммы въ полномъ смыслѣ

¹⁾ Вспомнимъ эпиграмму «Новый Аполлонъ», приведенную выше,

слова, напр., о М. Л. Яковлевѣ, извѣстномъ, какъ «паясъ» и постоянный шутникъ:

Мишукъ не устаеъ смѣшить,
 Что лень, то новое проказить.
 Теперь затѣяль умнымъ быть...
 Не правда ль? мастерски паясить? (Ант. № 45).

Три эпиграммы осмѣиваютъ эпизодъ изъ литературной дѣятельности Иличевскаго — переводъ комедіи Du Cergseau «Григорій или Герцогъ Бургундскій» ¹⁾. Первая довольно удачна:

Стихи ты Дюсера ²⁾ на зло враговъ своихъ
 Всѣ лихо перевелъ — и тѣмъ себя прославилъ:
 Пускай покажутъ мнѣ хоть стихи
 Чтобъ ты порядочнымъ оставилъ. (Ант. № 37).

Двѣ другія («Когда Григорій нашъ...» Ант. № 52 и «Такъ, братцы, такъ...» Ант. № 40) гораздо слабѣе.

Есть эпиграммы на Костенскаго (Ант. № 51), Мартинова (Ант. № 72), еще на Яковлева (Ант. № 46), которыхъ не стоитъ приводить. Кошанскаго, быть можетъ, имѣетъ въ виду эпиграмма, не совсѣмъ, впрочемъ, для насъ понятная:

НА СЛУЧАЙ ВТОРИЧНОГО ВСТУПЛЕНИЯ К.

Какъ мы сходны съ нимъ въ нарядѣ:
 Онъ въ накладкѣ, мы въ накладѣ. (Ант. № 21).

Вѣроятно она говоритъ о возвращеніи Кошанскаго въ Лицей послѣ болѣзни (бѣлой горячки), а «накладка» намекаетъ на его франтовство ³⁾.

По поводу какого-то домашняго спектакля затрагиваются два преподавателя — Архангельскій, адъюнктъ математики, и Билъе, фран-

¹⁾ См. К. Гротъ. Пушкинскій Лицей, стр. 189. Двѣ сцены изъ этого перевода, тщательно переписанныя рукой Иличевскаго, въ составѣ Гротовскаго Лицейскаго архива хранятся въ собраніи Пушкинскаго Дома.

²⁾ Конечно, описка переписчика, вм. Дюсеро.

³⁾ Я. К. Гротъ. «Пушкинъ... etc.», 2-е изд., стр. 225.

дузь, учитель танцевъ, который, по словамъ графа М. А. Корфа, «разсказывалъ мальчикамъ скоромные французскіе анекдоты»¹⁾:

Браво! брависсимо! ну, братды, исполать!
Сыграли мастерски, и какъ не удивляться?
За то Арх — ий учиь ихъ тандовать,
Билье по русски изъясняться. (Антол. № 9).

Интересна, наконецъ, эпиграмма, направленная на очень нелюбимаго надзирателя, одно время управлявшаго Лицеемъ, Фролова — любопытная выборомъ сравненій, отражающихъ и ходячія фразы дидактической и сатирической поэзіи, и литературныя симпатіи, и царскосельскія связи лиценствова, и, быть можетъ, свободолюбивыя вбвнія эпохи:

Что значить — капля въ дбломъ морб,
Гусару пуншевый бокаль?
Что значать радости и горе?
Что значить русской генералъ?
Что значить ленточка въ петлицб?
Въ карманахъ мота миллионъ?
Разсудокъ въ вбтреной дбвицб
И вбрность у прекрасныхъ женъ?
Что значать всб стихи Хвостова?..
Бездблка — право, ничего!
— Неужто менбше Фролова?
Да развб больше лишь его! (Антол. № 36).

Отмбтимъ еще два стихотворенія, обращенныя на самого себя авторомъ-эпиграмматистомъ:

Читатель! вотъ онъ какъ прекрасенъ —
Еще прекраснбй онъ душой?
Какъ прозванъ Лафонтенъ живымъ собраньемъ басенъ,
Такъ Эпиграммою онъ на людей живой. (Антол. № 99)

и другая:

Дивитесь вы, мои друзья,
Что всбхъ браню удачно я —
Я самъ на грбшный родъ Адама
Ей! ей! презлая эпиграмма. (Антол. № 102)

¹⁾ Тамъ же, стр. 229 и 238.

Оба четверостишія — особенно второе — напоминают манеру Пушкина, который любил иной раз показывать себя «живой эпиграммой» ¹⁾. Его же творчеству можно съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ приписать другое стихотвореніе, имѣющее автобиографическій характеръ. Оно помѣщено вмѣстѣ съ «Надписью на стѣнахъ больницы» (Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ...), попавшей въ печать изъ записокъ И. И. Пущина и написанной, по его словамъ, надъ постелью больного товарища. Въ нашемъ Собраніи обѣ «надписи» объединены однимъ заглавіемъ и однимъ номеромъ въ оглавленіи; поэтому и можно предположить въ нихъ одного автора и къ нему отнести вторую (если онъ былъ боленъ во время пребыванія въ Лицеѣ):

Сихъ мрачныхъ стѣнъ угрюмый житель,
 Знакомый, другъ ли мой — иль нѣтъ,
 Вздохни, взошедъ въ сію обитель:
 «Здѣсь жилъ поэтъ». (Антол. № 29).

Быть можетъ также принадлежать Пушкину двѣ «Эпитафіи усамъ Гусара Свѣчина», которыя можно сблизить съ его «философическою одой» — «Усы» 1816 года, гдѣ повторяются почти тѣ же выраженія. Изъ всѣхъ лицейскихъ Пушкинъ былъ ближе всѣхъ къ лейбъ-гусарамъ и написалъ въ ту пору нѣсколько «гусарскихъ» стихотвореній, а потому естественно и напрашивается его авторство:

Узнай, что все лихой покорствуетъ судьбинѣ:
 Мы грозно подъ носомъ взвивалися вчера
 И чтожъ — подъ бритвой пали нынѣ... (Антол. № 31).

Другая:

Прохожій, стой, внимай
 И праху двухъ усомъ — героевъ честь отдай.
 Которые служа Гусару, не страшились
 Исправно каждый день подъ сталью гнуться въ крюкъ,
 Со славой въ табакѣ и порохѣ курились,
 И пали — отъ его жъ благодарныхъ рукъ!
 (Антол. № 32) ¹⁾.

¹⁾ Ср. «Mon portrait» 1814 года:

Vrai démon pour l'espièglerie,
 Vrai singe par sa mine
 Beaucoup et trop d'étourderie,
 Ma foi, voilà Pouchkine.

Изъ стихотвореній иного, менѣе личнаго, болѣе отвлеченнаго характера, схожихъ съ эпиграммами «Лицейскаго Мудреца», обращаютъ вниманіе двѣ пьесы, которыя нельзя назвать эпиграммами въ настоящемъ смыслѣ; скорѣе это мысли, сентенціи въ стихахъ, довольно еще распространенныя въ тогдашней легкой поэзіи и, конечно, менѣе всего самостоятельныя:

ЭПИТАФИЯ.

Вдругъ развязавъ глаза пустила
 На свѣтъ меня судьба моя —
 Отколь? зачѣмъ? не знаю я.
 Теперь опять глаза закрыла;
 Ведеть меня судьба моя —
 Куда? опять не знаю я. (Антол. № 22),

которую можно сопоставить со стихами Батюшкова, выраженными въ несравненно сильнѣйшей и болѣе глубокомысленной формѣ —

«Ты знаешь, что изрекъ
 Прощаясь съ жизнію сѣдой Мельхиседекъ...»

Другое стихотвореніе въ иномъ духѣ — сатирическомъ, но не шутливой эпиграммы, а горькой провіи, даже странной въ этотъ ранній юношескій періодъ творчества, объясняющейся лишь опять таки ея несамостоятельнымъ характеромъ, — несамостоятельнымъ въ общей концепціи, но уже индивидуальнымъ и сильнымъ въ выраженіи. Это

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ ДРУГА.

Тошнѣй Идилліи — (и) холоднѣй чѣмъ Ода. ²⁾
 Отъ злости мизантропъ, — отъ глупости козѣтъ,
 Какъ страшно надъ тобой забавилась природа,
 Когда готовила на свѣтъ.

¹⁾ Петръ Александровичъ Свѣчинъ служилъ 4-гв. въ Гусарскомъ полку съ 1807 года по 1-е января 1816-го, когда былъ произведенъ въ полковники съ переводомъ въ Смоленскій драгунскій полкъ. Послѣдняя дата опредѣляетъ terminus ante quem нашихъ эпиграммъ (см. К. Манзей, Исторія 4-гв. Гусарскаго полка, С.-Пб. 1859, т. III стр. 49).

²⁾ Въ тетради стихъ читается: «Тошнѣй Идилліи — холодны чѣмъ Ода»... — по видимому описка.

Боишься ты людей, какъ чернаго недуга,
 О жалкой образецъ уродливой мечты!
 Утѣшься, злой глупецъ! имѣть не будешь ты
 Въ вѣкъ ни любовницы, ни друга. (Антол. № 82).

Не имѣя никакихъ объективныхъ данныхъ, мы не можемъ опредѣленно указать автора этихъ двухъ пьесъ, а высказывать догадки безцѣльно. Можно лишь замѣтить, что въ обѣихъ видна уже опытная рука, поэтической талантъ сложившійся и самостоятельный — въ формѣ, конечно, не въ замыслѣ.

Переходимъ къ мотивамъ литературнымъ, къ которымъ нужно присоединить нѣсколько эпиграммъ, касающихся театра. Онѣ хорошо характеризуютъ интересы и настроенія лицейской среды, чутко отражавшей явленія внѣшняго міра, совершавшіяся въ литературѣ. Правда, и здѣсь много отвлеченной условности, ничего не говорящихъ обобщеній и выпадовъ безъ опредѣленной цѣли, въ пустое пространство; и здѣсь чувствуются несамостоятельность въ формахъ и много поверхностнаго въ пониманіи. Но за то рядъ другихъ эпиграммъ, направленныхъ на опредѣленныхъ лицъ и опредѣленные литературныя явленія, отражаетъ точно вкусы и симпатіи лицейскихъ поэтовъ, начиная съ Пушкина.

Изъ эпиграммъ, имѣющихъ форму остроумныхъ замѣчаній, заключенныхъ въ рифмованныя строки, но которыя трудно отнести къ опредѣленному писателю или произведенію и трудно также приписать творчеству того или иного изъ лицейскихъ поэтовъ, приведемъ нѣкоторые образцы:

НА КОМЕДИЮ БЕЗЪ НАЧАЛА И БЕЗЪ КОНЦА.

Актъ пятый кончился — скажи Поэтъ повѣса:
 Когда жъ начнетъ пьеса? (Антол. № 20)

Съ какимъ искусствомъ нашъ Шинтъ
 Актера съ зрителемъ сближаетъ:
 Одинъ во всю пѣсу спитъ,
 Другой въ то время все зѣваетъ. (Антол. № 41)

Ахъ! Боже мой, какихъ чудесъ
 На этомъ свѣтѣ не бываетъ!
 Я видѣлъ смерть рожденныхъ пьесъ,
 А эта неродясь, возможноль? — умираетъ!
 (Антол. № 34)

Всѣ три пьесы касаются театра, — что замѣчательно тѣмъ болѣе, что лицеисты были знакомы съ театромъ болѣе по наслышкѣ, посѣщая лишь домашніе спектакли, да театръ графа Толстого въ Царскомъ Селѣ. Но важная роль въ литературномъ мірѣ, которую тогда игралъ театръ, не могла не имѣть вліянія и на лицейскихъ поговѣхъ.

Къ кругу тѣхъ же темъ относится и эпиграмма

НА ПРЕДСТАВЛЕНІЕ НЕДОРОСЛЯ.

Скотининъ, торжествуй — ты всѣхъ насъ размѣшилъ,
Гордися, Митрофанъ! ты чуда творилъ,
Пьеса удалась — да братцы мудроно ли?
Вы по характерамъ вѣдь разобрали роли. (Антол. № 61.)

относящаяся, вѣроятно, къ какому-нибудь домашнему спектаклю, гдѣ поэтъ могъ высмѣивать исполнителей, какъ людей.

Болѣе опредѣленные отраженія театральной жизни даютъ нѣкоторыя эпиграммы, гдѣ прямо названы пьесы, входившія въ тогдашній репертуаръ, или актеры, видимо, изъ любителей. Всѣ онѣ принадлежать къ числу слабыхъ стихотвореній сборника и не настолько характерны, чтобъ приводить ихъ дѣликомъ. Въ нихъ упоминаются пьесы Коцебу «Негры въ неволѣ» ¹⁾ и «Попугай» ²⁾, переводная комедія Краснопольскаго «Черный Человѣкъ» ³⁾ и Ильина «Великодушіе или

¹⁾ «Негры въ неволѣ», историко-драматическая картина въ 3-хъ дѣйствіяхъ соч. Коцебу, пер. съ нѣмецкаго, М., въ типографіи Селивановскаго 1803 г. (Смирдинъ, Роспись Россійскимъ книгамъ, 1828, №№ 7546 и 7547). Антол. № 10.

²⁾ «Попугай», въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Коцебу, М., въ Университ. тип. 1796 и 1801 гг. (Смирдинъ, Роспись, № 7576). Пьеса была, повидимому, долгое время въ модѣ, что видно изъ того, что, по словамъ Арапова, въ 1806 году «Кн. Д. П. Горчаковъ, короткій пріятель Николаева, досадуя, что его трагедія «Сорена и Замиръ» не допущена была на сцену (въ ней заключалось много стиховъ, которыхъ не могла пропустить цензура), сказалъ:

Гуситы, Попугай предпочтены Соренѣ
И Коцебятина одна теперь на сценѣ».

(Араповъ, Лѣтопись русскаго театра, С.-Пб. 1861 г., стр. 174). Антол. № 12.

³⁾ «Черный человѣкъ» комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, пер. съ нѣмецкаго Николай Краснопольскій, СПб. въ Театральной типографіи 1806 г. (Смирдинъ, Роспись, № 7418). Поставлена впервые въ Имп. Большомъ театрѣ въ декабрѣ 1810 года (Араповъ, 1. с., стр. 207). Антологія №№ 14 и 15.

Рекрутскій наборъ»¹⁾. Называется и фамилія актера-любителя, выступавшаго на какомъ-то спектаклѣ въ пьесѣ «Черный человекъ» — Абаза. Кто этотъ Абаза — у насъ нѣтъ указаній²⁾.

Къ неизвѣстному намъ поэту — если только не къ тому же Кюхельбекеру — обращена слѣдующая эпиграма:

И о тебѣ, какъ объ Омирѣ,
 Семь мѣствъ заводятъ споры въ мірѣ:
 Та школа, гдѣ наукъ не кончилъ ты своихъ,
 Бесѣда дивная Славяно-Росскихъ сбродовъ,
 Тамъ Институтъ глухо-нѣмыхъ.
 Тамъ Богодѣльня, край уродовъ —
 Тамъ пьяныхъ критиковъ сороковой содомъ,
 Тамъ сумашедшихъ домъ,
 Кунсткамера потомъ. (Антол., № 84).

Болѣе опредѣленное литературное значеніе, однако врядъ ли могущее быть точно отнесеннымъ къ какому-либо произведенію современной словесности, имѣютъ такіа эпиграммы, какъ

НА ЭПИТАФИИ NN.

Какъ Эпитафіи сіи
 Намъ живо смерть изображаютъ —
 Увы! лишь родились они —
 И тотчасъ сами умираютъ (Антол. № 59),

представляющая передѣлку «Эпитафіи Эпитафіямъ» И. И. Дмитріева³⁾. Три эпиграммы написаны на одинъ сюжетъ — неудачнаго эпитаграфа

¹⁾ «Великодушіе или Рекрутскій наборъ», комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. Николая Ильина, М., въ тип. Селивановскаго, 1804; изд. 2-е, С.-Пб. 1807. (Смирдинъ, Роспись, № 7466). Антологія № 12.

²⁾ Антологія, №№ 15 и 16. Тотъ же Абаза упоминается въ спискѣ 200 номеровъ Паяса-Яковлева, напечатанномъ у Грота: «85, 86. Закревскій, Абаза — на сценѣ». (К. Я. Гротъ. Пушкинскій Лицей, С.-Пб: 1911, стр. 81). Невыясненнымъ для насъ осталось также, о какой пьесѣ говорится въ эпиграммѣ № 13, гдѣ дѣйствуетъ «Діонисъ — тиракъ».

³⁾ Прохожій! пусть тебѣ напомнитъ этотъ стихъ,
 Что все на часъ подъ небесами:
 Пoutру плакали о смерти мы другихъ,
 А къ вечеру скончались сами!

Сочиненія Дмитріева, часть II-я, изд. 5-е М. 1818. (Внесена въ «Опытъ русской анекдотической поэмы» Яковлева, стр. 188).

къ произведеніямъ плохого поэта. Первые двѣ (Антол. №№ 91 и 92) трудно локализовать какъ-либо. Но третья поддается, какъ кажется, опредѣленному истолкованію:

Куда ты неудаль, мой графъ,
Или судьба твоя упряма!
Искаль-искаль ты Эпиграфъ —
Нашель — выходить Эпиграмма. (Антол. № 44).

Она имѣеть въ виду, несомнѣнно, риелотворчество графа Д. И. Хвостова — постоянный объектъ насмѣшекъ для поэтовъ молодой школы. Неудачливый поэтъ, издавая сборникъ «Посланій въ стихахъ графа Дмитрія Хвостова» (Санктпетербургъ, въ тип. Военн. Мин-ва, 1814 года), помѣстилъ на немъ эпиграфомъ такіа слова: «Люблю писать стихи и отдавать въ печать». Конечно, объ этомъ эпиграфѣ говоритъ наша эпиграмма, и это одновременно опредѣляетъ и дату ея и, съ большою долею вѣроятія, автора — послѣднее потому, что въ перепискѣ Пушкина (изд. Ак. Наукъ, т. I, стр. 87) мы, въ письмѣ къ барону А. А. Дельвигу отъ 16 ноября 1823 года, находимъ воспоминаніе о томъ же эпиграфѣ: «Я полу-Хвостовъ: люблю писать стихи (но не переписывать) и не отдавать въ печать (а видѣть ихъ въ печати)». Сохранить такъ надолго память о давно забытой книжкѣ поэтъ могъ тѣмъ легче, если при ея выходѣ онъ обратилъ на нее вниманіе и отмѣтилъ эпиграммой.

Уже вполне ясно сказываются литературный вкусъ и симпатіи лицейскихъ поэтовъ въ эпиграммѣ

НА РАЗБОРЪ РОССІАДЫ.

Съ тобой согласенъ я — нѣтъ въ свѣтѣ ничего
Скучнѣ этого Эпического взора
Окромѣ твоего.
Премудраго разбора! (Антол. № 19).

«Премудрый разборъ» Россіады—это, конечно, длинное и очень панегирическое изслѣдованіе о ней А. Θ. Мерзлякова, печатавшееся въ «Амфіонѣ» почти въ теченіе всего 1815 года (книги 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9). Этимъ датируется наша эпиграмма. А авторъ ея опредѣляется тѣмъ, что мы читаемъ въ письмѣ Пушкина къ князю П. А. Вяземскому отъ 27 марта 1816 года (Переписка, изд. Ак. Н., т. I, стр. 3): «Право, съ радостью согласился бы я двѣнадцать разъ перечитать

всѣ 12 пѣсень пресловутой Россіады, даже съ присовокупленіемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова, съ тѣмъ только, чтобы Гр. Разумовскій сократилъ время моего заточенія». Совпаденіе эпитета «премудрый» делаетъ предположеніе очень вѣроятнымъ.

Эпиграмма эта отражаетъ и борьбу литературныхъ школъ, поднятую Арзамасомъ противъ «Бесѣды», въ которой всѣ симпатіи Лицейскихъ поэтовъ были на сторонѣ молодого направленія. Въ то время, въ 1815—1816 годахъ, къ поэмѣ Хераскова еще относились съ уваженіемъ, видя въ ней нашъ единственный національный эпосъ, и назвать ее «эпическимъ вздоромъ» было извѣстнымъ вольномысліемъ. Ту же борьбу школъ, проявляющуюся, какъ извѣстно, болѣе всего въ шуточныхъ и сатирическихъ стихахъ, отражаетъ и другая эпиграмма, подъ заглавіемъ

КАНТЕМИРЪ КНЯЗЬЯМЪ Ш.

Я взялъ весь умъ Князей и авторовъ Князьямъ
Прапрадѣдамъ моимъ по прозвѣ и стихамъ
Ни капельки не дамъ

(Антол. № 27),

которую можно сопоставить съ эпиграммой Пушкина 1815 года: «Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ» и съ письмомъ къ кн. Вяземскому (отъ 27 марта 1816 года), гдѣ онъ называетъ его «княземъ, грозой всѣхъ князей-стихотворцевъ (на) Ш.» Къ концу 1815 и началу 1816 года и должна быть отнесена наша эпиграмма; можно также предположить, что Пушкинъ является ея авторомъ.

Вспомнимъ къ тому же и приведенную выше эпиграмму «И о тебѣ, какъ объ Омирѣ» (Ант. №), гдѣ поминается «Бесѣда дивная Славяно-Росскихъ сбродовъ».

Наконецъ, рядъ эпиграммъ, изъ которыхъ часть напечатана, относится къ тремъ авторамъ старой школы, уже въ то время вызывавшимъ насмѣшки и презрительные отзывы арзамасцевъ, друзей лицейскихъ поэтовъ, хотя дѣятельность ихъ была въ своемъ родѣ очень почтенна. Это — поэтесса и дидактическая писательница Пучкова, послѣдовательница «славяно-русской» школы Шишкова и графа Хвостова; С. А. Тучковъ — генералъ и сенаторъ, авторъ одъ и посланій въ архаическомъ стилѣ, напыщенныхъ переводовъ Горациа

и передѣлокъ трагедій Расина; Макс. Ив. Невзоровъ, мистикъ и масонъ, послѣдователь Лопухина и Новикова, издатель дидактическаго журнала «Другъ Юношества»¹⁾. Эпиграммы Пушкина и Илличевского на Пучкову хорошо извѣстны; тѣ же, что относятся къ Тучкову и Невзорову, до сихъ поръ не были нигдѣ напечатаны.

Тучкову посвящены четыре эпиграммы. Первая изъ нихъ носить названіе «Эпитафія автору: Модной жены», что не совсѣмъ понятно, такъ какъ «Модная жена — одно изъ самыхъ извѣстныхъ и популярныхъ произведеній И. И. Дмитриева, а въ сочиненіяхъ Тучкова нѣтъ ничего подъ такимъ заглавіемъ. Къ Дмитріеву она относиться не можетъ, такъ какъ Тучковъ прямо въ ней названъ, да и не стали бы даже Лицейскіе, довольно смѣлые эпиграмматисты сочинять на весьма уважаемаго въ то время поэта такія рѣзкія и просто грубыя эпиграммы.

ЭПИТАФІЯ АВТОРУ: МОДНОЙ ЖЕНЫ.

Подъ камнемъ симъ лежитъ Тучковъ,
Который написалъ книгъ нѣсколько стиховъ,
О коихъ зналъ лишь Богъ, да господинъ Фроловъ²⁾.

(Антол. № 53).

Три другія читаются такъ:

Тучкову, за восемь частей его стиховъ
Не надобно судить ни розогъ, ни кнотовъ,
А надобно Тучкову
Отдать въ жены Пучкову.

(Антол. № 54).

Вопросъ рѣшенъ — Тучковъ писатель
Шесть томовъ подтверждаютъ слухъ —
А вотъ въ замѣнъ другой — кто будетъ имъ читатель,
Окромѣ прежнихъ двухъ.³⁾

(Антол. № 53).

¹⁾ См. о немъ статью въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ», томъ «Нааке Накенскій — Николай Николаевичъ Старшій» стр. 176.

²⁾ Имѣется въ виду и. д. директора Лицея Фроловъ, о которомъ въ посвященной ему національной пѣснѣ сказано: «Тучкова сказки выхваляешь».

³⁾ Сочиненія Тучкова изданы въ 4-хъ частяхъ въ 1816 — 1817 годахъ, что опредѣляетъ время написанія эпиграммы.

Въ послѣдней изъ эпиграммъ, посвященныхъ Тучкову, мимоходомъ достается и Кюхельбекеру:

Въ сужденьяхъ нашихъ вѣчно или
Идетъ о Клитѣ слухъ такой —
Онъ добръ, какъ фабулистъ Василій ¹⁾
Онъ золъ, какъ комикъ Стиховской — ²⁾
И о тебѣ различны мнѣнья:
Иные, господинъ Тучковъ!
Толкуютъ: глупъ ты отъ рожденья,
Другіе — глупъ ты отъ стиховъ.

(Антол. № 62).

Къ Невзорову обращены двѣ эпиграммы, представляющія два варианта одной темы:

ИЗДАТЕЛЮ: ДР. ЮНОШЕСТВА.

Трудился ты, мой другъ, трудился,
Наставилъ здѣсь иконъ, крестовъ....
Положимъ — ты оборонился
Отъ дьявольщины и бѣсовъ —
Да охъ! ты лучше бѣ оградился
Отъ мерзкой прозы и стиховъ.

(Антол. № 74).

ИЛИ.

О Вздоровъ! на твоёмъ журналѣ
Наставилъ ты иконъ, крестовъ....
И думаешь, что отогнали
Они лукавыхъ всѣхъ бѣсовъ —
Не тутъ-то было: обманулся —
Бѣсъ новымъ видомъ обернулся —
И вышелъ изъ твоихъ листовъ
Бѣсъ мерзкой прозы и стиховъ.

(Антол. № 75).

Время написанія обѣихъ эпиграммъ опредѣляется тѣмъ, что «Другъ Юношества» прекратился въ апрѣлѣ 1815 года, т. е. онѣ принадлежатъ довольно ранней порѣ Лидейскаго творчества. Трудно сказать, кто ихъ авторъ — Пушкинъ ли, или Илличевскій, или тотъ

¹⁾ Вас. Льв. Пушкинъ.

²⁾ Кн. Шаховской.

и другой; мы знаемъ, что эпиграммы на Пучкову написаны: двѣ — Пушкинымъ, а одна — до послѣдняго времени приписывавшаяся Пушкину — Илличевскимъ. Извѣстно къ тому же, что третья эпиграмма на Невзорова

Какая разница межъ публикой и имъ?

Онъ пишетъ: съ нами Богъ! мы говоримъ: Богъ съ нимъ!

(Антол. № 76).

принадлежить перу Илличевского и включена имъ въ передѣланномъ видѣ и безъ обозначенія, къ кому относится, въ «Опыты въ антологическомъ родѣ».

Остается еще одна эпиграмма, стоящая особнякомъ въ Лицейской антологической поэзи: эпиграмма не литературнаго, не личнаго, но политическаго характера. Она переписана въ нашемъ Собраніи съ «цензурными», такъ сказать, пропусками; но текстъ ея легко возстановить и онъ читается такъ:

ДУМУЪ А. П. [Александръ Павловичамъ].

[Роман]овъ и Зерновъ лихой,

Вы сходны межъ собою:

Зерновъ! хромаешь ты ногой,

[Роман]овъ головою.

Но что, найду ль довольно силъ

Сравненіе кончить шпидомъ?

Тотъ въ кухнѣ носъ переломилъ,

А тотъ [подъ Австерлицомъ]

(Антол. № 24).

Имя Зернова — Александръ Павловичъ — и риема послѣдняго стиха «ицомъ» позволяютъ безошибочно расшифровать эпиграмму. Зерновъ былъ помощникомъ гувернера въ Лицеѣ, по словамъ А. Н. Рубца, автора памятной книжки профессоровъ и преподавателей Лицея за 100 лѣтъ¹⁾, съ 1812 по 1813 годъ, на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, дольше, если судить по упоминанію о немъ въ Лицейской лѣтнѣ о Гауэншильдѣ «Въ Лицейской залѣ тишина», сочиненной не

¹⁾ А. Н. Рубецъ. «Наставникамъ, хранившимъ юность нашу», С.-Пб. 1911, стр. 49 и 84.

ранѣе конца 1814 года, во время директорства Гауэншильда ¹⁾. Очень нелестную его характеристику даетъ въ своей запискѣ графъ М. А. Корфъ ²⁾. На тождествѣ именъ, соединенномъ съ физическимъ безобразіемъ и нравственными недостатками, основана соль эпиграммы. Трудно сказать, кто ея авторъ. Не исключена возможность и авторства Пушкина, особенно, если вспомнить всѣ его позднѣйшія (подлинныя, а зачастую и приписанныя ему) эпиграммы на Александра, и фразу изъ письма къ Жуковскому (въ январѣ 1826 года) о томъ, что онъ «подсвистывалъ ему (т. е. Императору Александру) до самого гроба». Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что уже въ такіе ранніе годы является у лицействъ сатирическое отношеніе къ «Россійскому полубогу», только что увѣнчанному лаврами и которому тѣ же лицейскіе поэты, иногда по заказу начальства, а часто и отъ чистаго сердца, писали привѣтственные оды. Распространившееся въ обществѣ, принесенное изъ Франціи гвардіей «вольномысліе», выражавшееся, между прочимъ, и въ сатирической поэзіи, нынѣ большею частью утраченной, достигало и Лицея, и Пушкинъ долженъ былъ живо воспринимать его. Добавимъ къ этому и еще одно лицейское произведеніе: стихотвореніе изъ «Лицейскаго Мудрца» «Аристъ и Глупонъ» ³⁾, которому нужно придавать двойкій смыслъ: прямой, основанный на поговоркѣ «безъ царя въ головѣ», и переносный, намекающій на царя, который «гуляетъ по свѣту» уже двѣдцать лѣтъ и нынѣ «въ конгрессѣ трудится (за краснымъ спитъ сукномъ)», но долго, долго онъ домой не возвратится...». Эпиграмма «О двухъ А. П.», очень удачная сама по себѣ, крайне интересна для характеристики Лицейскихъ настроеній ⁴⁾.

Закончимъ на этомъ обзоръ «Собранія». Мы видимъ въ немъ обширный, разнохарактерный и разнокачественный матеріалъ, — начиная отъ школьныхъ товарищескихъ шутокъ и кончая довольно серьезной литературной и даже общественной сатирой; подъ

¹⁾ К. Я. Гротъ. Пушкинскій Лицей, С.-Пб. 1911, стр. 217—218 и въ др. изданіяхъ. Наше собраніе— № 2. Гауэншильдъ былъ и. д. директора съ сентября 1814 года по январь 1816-го.

²⁾ Я. К. Гротъ. «Пушкинъ... etc.» Изд. 2-е. С.-Пб. 1899, стр. 243.

³⁾ К. Я. Гротъ. Пушкинскій Лицей, стр. 315. Наше Собраніе № 19. —

⁴⁾ См. подробнѣе объ этой эпиграммѣ въ нашемъ этюдѣ въ «Сборникѣ памяти С. А. Венгерова».

несамостоятельной формой, подъ заимствованными сюжетами и часто не своими общими мыслями видимъ уже большое умѣнье владѣть стихомъ, легкость и гибкость, простоту, краткость и выразительность языка, проступающія сквозь всѣ условности, которымъ подчинялись тогда маститые поэты гораздо болѣе, чѣмъ юные лицеисты; видимъ большую начитанность, литературный вкусъ и приверженность опредѣленному — молодому — литературному направленію какое мы бы теперь назвали «лѣвымъ». Собранные всѣ вмѣстѣ въ одну тетрадь, эти коротенькія пьески даютъ яркую и цѣльную картину поэтической жизни Лицея, его среды и интересовъ и служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ извѣстной намъ Лицейской поэзіи Пушкина. Нѣтъ нужды, что мы не можемъ точно опредѣлить, какія изъ пьесъ принадлежатъ ему и какія — его товарищамъ, Иличевскому и другимъ. Имѣетъ значеніе не каждая изъ нихъ сама по себѣ, но всѣ онѣ вмѣстѣ, въ цѣломъ, — а это цѣлое и ярко, и молодо, и живо и, мѣстами, блестяще выражено.

Н. Измайловъ.

СБОРНИКЪ
ПУШКИНСКАГО ДОМА
НА 1923 ГОДЪ

ПУШКИНЪ. ДЕЛЬВИГЪ.
КРЫЛОВЪ. ЖУКОВСКІЙ.
ТУРГЕНЕВЪ. ПИСАРЕВЪ.
ГЕРЦЕНЪ. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.
ПОЛОНСКІЙ. СТАСОВЪ.
Л. ТОЛСТОЙ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАДЪ 1 9 2 2